

#600 ЛЕГЕНДЫ
ОРУЖИЯ

АЛЕКСЕЙ
КАЛУГИН

ПЛАНЕТА
СМЕРТНОЙ ТЕЩИ

Алексей Калугин
Планета смертной тени

«ЭКСМО»

2010

Калугин А. А.

Планета смертной тени / А. А. Калугин — «Эксмо», 2010

Их лишили всего: памяти, имен, самой жизни – и заставили работать как каторжных на забытой богом планете. Колонисты, первопоселенцы – это только звучало красиво, а на деле, если бы они все сдохли здесь, в пустыне, никто бы особенно и жалеть не стал. Ведь для всего остального человечества они уже давно умерли... однажды. Тридцать три человека, тридцать три горьких судьбы. Однако их смерть не входила в планы тех, кто осуществил этот бесчеловечный проект, по крайней мере до того времени, как вновь колонизированные планеты Грешного треугольника в пику Галактической Федерации официально не войдут в состав Союза Шести Планет. Но жизнь вмешалась в этот страшный процесс и повернула события совсем в другую сторону. И живым пришлось отвечать за свои дела перед мертвецами...

© Калугин А. А., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1. День 154-й	5
Глава 2. День 1-й	10
Глава 3. День 1-й	17
Глава 4. День 8-й	21
Глава 5. День 154-й	25
Глава 6. День 27-й	35
Глава 7. День 31-й	40
Глава 8. День 154-й	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алексей Калугин

Планета смертной тени

*Смерть – вот ключевое слово нашей жизни.
Император Ху. «Книга Постоянств»*

Глава 1. День 154-й

Дик-18 натянул тетиву, старательно прицелился и выпустил стрелу. Красные антилопы, мирно пасшиеся под невысокими деревьями с толстыми, расширяющимися книзу стволами и широкими развесистыми кронами, бабочками сорвались с места и метнулись в кусты. Лишь одно животное, со стрелой, торчащей из бедра, упало на траву и принялось судорожно дергать передними ногами, пытаясь подняться. Бросив лук, Дик-18 выбежал из скрадка. На бегу выдернув из-за пояса узкую полоску заточенного железа, обернутую на месте рукоятки куском грубой материи, он прыгнул антилопе на спину, ухватил животное за рога и одним широким взмахом руки перерезал ей горло.

– Bravo!.. Отлично!.. Замечательно!..

Старательно демонстрируя переполняющий и где-то даже брызжущий через края восторг, из кустов вышли Дик-33 и Дик-7.

Дик-18 приложил руку к груди и театрально поклонился.

– Теперь ты ощутил вкус убийства? – спросил Дик-33.

Дик-18 облизнул кончики перемазанных кровью пальцев, почмокал губами и закатил глаза.

– Нет.

– Ну, по крайней мере, стрелять из лука ты научился.

Дик-33 вырвал из тела антилопы стрелу и задумчиво посмотрел на грубый наконечник, вручную вырубленный из листа жести.

– Кто-нибудь умеет разделявать дичь?

Вопрос был задан так, что ясно было: сам он заниматься этим не собирается.

– Помнится, я где-то читал, что у свежееубитой дичи самое вкусное – это язык и сердце, – немного смущенно поделился информацией Дик-7.

Дик-18 насмешливо посмотрел на приятелей, усмехнулся и ногтем попробовал острие самодельного лезвия. Нож, конечно, тупой, но другого все равно не найти. Да и смог же он перерезать им антилопе горло. Дик-18 переступил через убитое животное, наклонился, оттянул нижнюю челюсть, зажал язык в кулак и отрезал его у основания.

– Если тебе нужен охотничий трофей, то лучше возьми рога, – посоветовал Дик-33.

– Мне нужна еда. – Дик-18 вонзил нож в грудь мертвого животного.

– Ты собираешься это есть? – непонимающе прищурился Дик-33.

– А почему нет? – Дик-18 с гордостью посмотрел на кровоточащий трофей.

– Мы можем есть только ту пищу, которой нас снабжают.

– Это кто ж такое сказал? Сержант? Так ему выгодно держать нас на коротком поводке!

– Когда я помогал доку препарировать тело Двадцать Восьмого, мы извлекли из него две пригоршни имплантатов.

Дик-18 едва не по локоть засунул руку в рассеченную грудь антилопы и, повозившись малость, вынул теплое, кровоточащее сердце.

– Я собираюсь убежать отсюда не для того, чтобы сдохнуть с голоду.

– Я думаю, пищевую смесь несложно синтезировать.

– Думай, что хочешь, дружище, а я все равно попробую. – Дик-18 снял и кинул на землю куртку, положил на нее добытые сердце и язык, подвернул полу и завязал рукава узлом.

– Ты знаешь, вот до этого самого момента я даже не представлял, насколько сильно мне хочется откусить кусок жареного мяса. Пусть маленький, только чтобы вкус во рту ощутить. Ты не думай, я сразу все не сожру.

Дик-33 улыбнулся и хлопнул приятеля по плечу.

– Тогда какого греха куда-то идти? Мы можем и здесь развести костер и зажарить мясо. А если окажется, что его можно есть, так зажарим все и заберем с собой. Пусть и другие попробуют.

– Так-то оно так. – Дик-18 вытер испачканные кровью пальцы о край куртки и почесал щеку. – А не нападут ли на нас те гривастые твари с длинными хвостами, от которых мы в лесу еле убежали?

– Думаю, поблизости их нет. Антилопы паслись спокойно, и только мы их спугнули. К тому же дикие звери боятся огня. Кстати, нужно бы придумать им названия, тем хищникам с гривами.

– Они похожи на львов, – сказал Дик-7.

– Нет, не похожи, – мотнул головой Дик-18. – У них морды, как у кабанов, с рылами и клыками.

– Пусть будут гривастые кабаны.

– У кабанов хвосты не такие длинные.

– Ну, не называть же их гривастыми длиннохвостыми кабанями.

– Тогда просто черные кабаны, – предложил склонный к компромиссам Дик-7.

– Ладно, на первое время сгодится, – согласился Дик-18.

– Меня беспокоят не столько кабаны, сколько те, кто, быть может, за нами подглядывает, – Дик-33 указал пальцем в небо. – Про систему спутникового наблюдения слышали? Любой чип в нашем теле может оказаться источником сигнала для нее. И что мы ответим, когда сержант спросит, за каким грехом мы потащились в лес?

– Для того чтобы обеспечить систему наблюдения по всей поверхности планеты, требуется не меньше восьми спутников, – с видом знатока изрек Дик-18. – Стоит это, между прочим, недешево.

– А ты откуда знаешь?

– Ну... Знаю, – смущенно потупился Дик-18.

– Память – удивительная штука, – улыбнулся Дик-33. – Порой вспоминаешь вдруг такое, что, казалось, намертво забыл.

– Намертво – это по-нашему, – усмехнулся Дик-18. – Но, даже, если я ошибаюсь, не думаю, что за нами постоянно следят. Какой в этом смысл? Мы ведь все равно никуда не денемся. А до очередной проверки восемь дней. Сержант еще ни разу не нарушал график.

– Убедил. Разводи огонь, а мы с Седьмым дров наберем. – Дик-33 кинул приятелю казенную армейскую зажигалку в металлическом корпусе с выдавленной эмблемой Союза Шести Планет. – Спасибо сержанту, подарившему нам огонь!

Вскоре затрещали угли в костре. Дик-18 разрезал язык и сердце антилопы на несколько кусков, нанизал на сук и повесил над огнем.

– Не пойму. – Дик-7 сел возле костра, обхватив колени руками. – Почему нас высадили в пустыне, а не здесь? Здесь и дом построить проще... Да и вообще... Приятнее и спокойнее как-то.

– Наверное, чтобы жизнь сахаром не казалась. – Дик-18 повернул самодельные вертела. – Ах, грех тебе в душу, подгорать начинает!

– Плесни воды на угли, – посоветовал Дик-33.

Он лежал на траве, вытянувшись во весь рост, положив руки под голову, и смотрел в небо странно-лилового цвета. Два солнца разошлись по разным сторонам небесной сферы, что создавало очень необычный оптический эффект, когда цвета неба и плывущих по нему облаков будто переливались, неспешно перетекая друг в друга. Эдакая природная психоделика.

– А здесь вполне можно было бы жить, – заключил он неожиданно для себя самого.

– Ага, – кивнул Дик-18. – Только здесь нас в покое не оставят.

– А мне до сих пор не верится, что я умер, – тихо, глядя прямо перед собой, произнес Дик-7. – Руки-ноги на месте, голова в порядке, ничего не болит... С чего мне вдруг было умирать?

– Человек, как правило, умирает просто так, ни с чего, – философски изрек Дик-18. – Можно с крыши дома свалиться, можно под машину угодить. Или самому на машине разбиться. А можно какую-нибудь смертельную заразу подцепить. Ну, или еще какую глупость сотворить.

– А еще некоторые кончают жизнь самоубийством, – добавил Дик-33.

– Вот этого я точно не понимаю! – Дик-18 плеснул на угли воды и в очередной раз повернул вертела. – Не знаю, до какой же степени должно быть паршиво, чтобы самого себя жизни лишиться?.. Не понимаю... Вот нам, к примеру, сейчас хорошо, что ли?

– Сейчас – хорошо, – улыбнулся, перевернувшись на бок, Дик-33. – Солнце греет, ветерок приятно обдувает, костер трещит, мясо жарится. Что еще нужно человеку для счастья?

– Полгода без малого прошло, пока мы до этого счастья добрались, – ехидно заметил Дик-18. – А прежде? Разве ж это жизнь была? И, заметь, никто при этом себе башку о камни не разбил и горло не перерезал.

– Наверное, мы живем, потому что у нас все еще остается надежда выбраться отсюда и снова стать людьми. Такими, как все.

– Не-а, – качнул головой Дик-7. – Такими, как все, мы уже никогда не станем.

– Парень дело говорит. – Дик-18 указал на Дика-7 сучком, которым мешал угли. – То, что с нами произошло, – это как клеймо. Которое не смыть и даже ножом не срезать. Клеймо на мозге! – Дик-18 стукнул себя костяшками пальцев по лбу. – Ну, как от него избавишься?

Тем временем мясо начало подрумяниваться и от костра потянуло таким чудесным ароматом, что каждый раз, вдыхая его, Дик-33 зажмуривался от удовольствия. При этом ему казалось, что запах будит давно забытые, стертые из памяти воспоминания. В голове возникали и тотчас же исчезали полужнакомые образы, многие из которых сознание не успевало классифицировать. Но то, что удавалось выловить, отфильтровать из общего потока, складывалось в подобие картины... Незаконченной, фрагментарной... Но все же...

Костер... Такой же, как и тот, перед которым он сейчас сидит... Языки пламени... Угли, с треском выстреливающие колючие искры... Но – костер горит в темноте... Ночь... Там, где это происходит, день сменяет ночь... День—ночь... Ночь—день... Так заведено... Так – правильно... Ночь... Костер, пылающий в ночи... В темноте можно разглядеть тени... Силуэты людей, сидящих вокруг костра... Кто они?.. Для чего собрались вместе?..

Дик-18 снял с огня палку, на которую были нанизаны куски языка, скинул их на широкий лист, один кусочек насадил на заостренный сучок и протянул Дик-33.

– Будешь пробовать?

Дик-33 взял в руку сучок с наколотым на него куском мяса и, чуть прикрыв глаза, медленно втянул через ноздри исходящий от него дурманящий голову аромат.

– А мне? – спросил Дик-7.

– А ты подожди. Если нам с Тридцать Третьим плохо станет, кто нам поможет?

– А чем я смогу помочь?

– Обратишься за помощью к Святому Норбиту, – усмехнулся Дик-18.

– Ага, – обиженно надулся Дик-7. – Сами этого Святого Норбита придумали...

– Все! – поднял руку Дик-18. – Дальнейший спор считаю бессмысленным!

– Ну, правильно, – придавленно вякнул в ответ Дик-7.

Он не собирался продолжать спор, но и не хотел, чтобы последнее слово оставалось за оппонентом.

Дик-18 это понял, а потому смолчал.

Дик-33 осторожно коснулся зажаренного кусочка мяса кончиком языка. Ему хотелось для начала вспомнить давно забытый вкус. Ведь ел же он прежде, в другой жизни, жареное мясо? Значит, должен помнить, каково оно на вкус.

А Дик-18, без долгих проволочек, откусил от своего куска половину и принялся с остервенением жевать. Тщательно, от души. Сосредоточенно. Как будто в этом заключался некий сакральный смысл.

– Ну, как? – посмотрел на него Дик-33.

– Отлично. – Дик-18 показал большой палец. – Точно говорю, это можно есть.

– Дай и мне попробовать, – снова попросил Дик-7.

– Нет! – отказал ему и на этот раз Дик-33. – Нужно подождать, чтобы увидеть, какова будет реакция организма на непривычную пищу.

– Ну, так, может, ты и посмотришь? Ведь все равно ж не ешь.

– Как это не ем? – Дик-33 быстро, словно боясь передумать, откусил кусок мяса и, не успев даже вкуса почувствовать, проглотил. – Еще как ем!

Он взял оставшийся кусочек в рот и на этот раз не стал торопиться. Он медленно сдавливал мясо зубами и чувствовал, как, смешиваясь со слюной, течет под язык мясной сок. Ощущение было странным и ни на что не похожим. Казалось, ароматный кусочек зажаренной плоти сам собой тает во рту. Сказать, что это было вкусно – все равно, что ничего не сказать. Это было удивительно. Потрясающе. Жизнь, некогда наполнявшая другой организм, часть которого он сейчас поедал, медленно перетекала в него.

Съев три куска языка, Дик-18 снял с другого вертела куски зажаренного сердца и стал их дегустировать. Сердце оказалось не таким нежным, как язык, более плотное мясо приходилось как следует разжевывать, прежде чем проглотить. Но при этом оно обладало своим, чуть сладковатым, специфическим вкусом. Раз попробовав, уже ни с чем не спутаешь.

Прожевав второй кусок сердца, Дик-18 понял, что не сможет проглотить больше ни крошки, и в блаженном изнеможении откинулся на спину.

– Ну, как? – с некоторой тревогой посмотрел на него Дик-33. – Что чувствуешь?

– Соли не хватает.

– Соли?

Дик-33 попытался припомнить вкус соли. И у него как будто даже получилось. Он доел кусок, что держал в руке, и потянулся за следующим.

– И все? – снова посмотрел он на Дика-18.

Сам он вроде как чувствовал некоторую тяжесть в желудке. Не сказать, что неприятную, но все же...

Дик-18 приподнялся на локте.

– Еще я чувствую, что никогда больше не буду есть ту дрянь, которой нас пичкают.

– Ну, теперь-то можно и мне кусочек? – опять заныл Дик-7.

– Бери! – благосклонно махнул рукой Дик-18.

– Нет, рано еще, – схватил парня за руку Дик-33.

– Да брось ты, – неодобрительно скривился Дик-18. – Сам же видишь, все в порядке.

– Все в порядке будет, когда мясо пройдет через всю пищеварительную систему.

– Ага – завтра, то есть, – усмехнулся Дик-18. – Это он нарочно, чтобы с тобой не делиться, – подмигнул он Дик-7.

Парень обиженно шмыгнул носом.

– Ладно. – Дик-18 с решительным видом поднялся на ноги. – В любом случае, я не собираюсь бросать здесь это замечательное мясо, – он подошел к убитой антилопе и, потянув за ногу, перевернул на спину. – Кто-нибудь имеет представление, как разделывают тушу?

– Сначала нужно внутренности удалить, – сказал Дик-33. – А потом – все по порядку, – он подвигал рукой в воздухе так, будто пилил что-то раскрытой ладонью.

– Ну, в целом, понятно. – Дик-18 обеими руками перехватил самодельный нож, размахнулся и вонзил его в тушу.

– Еще нужно шкуру снять, – сказал Дик-7. – Из нее можно сшить что-нибудь. Или использовать, как крышу для шатра.

– Ага, – не оборачиваясь, кивнул Дик-18.

– Только шкуру нужно выделать. А то она засохнет и станет ни на что не годной.

– А что, если не охотиться на антилоп, а пасти их? – предложил вдруг Дик-33.

– Зачем? – Ненадолго прервав свое занятие, Дик-18 пожал плечами. – Их ведь и без того полно.

Он поднял нож, чтобы сделать очередной разрез, да так и замер, заметив изучающий взгляд больших, темных глаз, устремленный на него сквозь ветки густого кустарника.

Глава 2. День 1-й

Он глотнул воздух широко раскрытым ртом. Будто утопающий, которого за волосы выдернули из воды. Воздух обжег горло, и он зашелся в приступе удушающего кашля.

Что произошло?..

Голова разламывалась от боли. Все мышцы ныли. Каждый сустав казался вывернутым.

Должно быть, его били. Долго и умело.

Вот только за что?..

Откашлявшись, он сделал еще один вдох. На этот раз медленно и осторожно. В горле засвербело. Но теперь его уже не выворачивало наизнанку. Он понял, что может дышать.

Он попытался открыть глаза, но ему это не удалось. Веки как будто склеились. Он сделал попытку поднять руку, чтобы протереть глаза, но руки оказались к чему-то крепко привязаны.

Где я?..

Что случилось?..

Он ничего не помнил. Ровным счетом ничего. Будто только что родился... Или вывалился из черного колодца вселенского небытия.

Кто я?..

Что происходит?..

Он дважды кашлянул, чтобы прочистить горло, вдохнул немного воздуха – странно, на этот раз ему показалось, что воздух имеет привкус антисептиков, – негромко позвал:

– Эй...

И замер в ожидании незнамо чего.

Хотел он, чтобы кто-то ему ответил, или боялся этого?..

Скорее всего – хотел.

Любой ответ избавил бы его от расплзающегося по телу, будто яд, ужаса неведения.

Но ответа не последовало.

– Эй! – позвал он чуть громче. – Есть здесь кто?..

– Одну минутку, – ответил ему голос, принадлежавший явно не молодому мужчине, занятому каким-то очень важным делом, которое никак нельзя было отложить даже на минуту.

Он провел сухим языком по губам. И приготовился ждать. Сколько потребуется.

А что ему еще оставалось?

Ждать пришлось гораздо больше обещанной минуты.

Или ему только так казалось?

– Секунду, я уже почти закончил...

Все тот же голос. Не сказать, что неприятный. Но какой-то очень уж безразличный.

Безразличный человек воспринимает мир неадекватно... Где он это слышал?.. Или сам только что придумал?.. Значит, он может что-то придумать – уже здорово... А еще он умеет считать... Кажется...

Один, два, три, четыре, пять, шесть... Определенно – умеет!

А что еще?..

– Простите...

– Сейчас!

– Я не могу открыть глаза.

– Это нормально.

– Разве?

– В данной ситуации – да!

– Э-э-э?..

– Вы хотите спросить, что происходит? – Голос сделался немного насмешливым.

- А вы готовы ответить?
- О! Вы не забыли, что такое ирония!
- А это ирония?
- Теперь уже сарказм. Поздравляю. У вас хорошие шансы.
- Шансы?..

В голове сразу мелькнула нехорошая мысль: со мной что-то случилось... Авария...
Кома... Паралич...

Да нет же! Он чувствовал свое тело. А двигаться не мог, потому что руки и ноги были привязаны.

- Развяжите меня!
- Не торопитесь, всему свое время.
- Черт возьми! Я хочу знать!..

– Слушай, ты! – Голос уже другой, и доносится с другой стороны. Громкий, резкий, волевой. Скрежещущий, будто наждак по краю железного листа. – Умолкни! – Привык отдавать приказы и уверен, что их должны исполнять. Военный? – Или я сам заткну твою поганую глотку!

Определенно – военный! Бандюки выражаются иначе.

– Ну, чего ради, сержант? – как бы даже с некоторой укоризной произнес первый голос. – Чего ради? Вы разве кричите на машину, когда она начинает барахлить?

- Случается, что и бью.
- Ну, так нельзя, уважаемый! Нервы надо беречь. Все наши недуги – от нервов.
- А все беды – от дураков!
- Надеюсь, это не в мой адрес?
- Нет, конечно. Дураки – они выше сидят.
- Понимаю.
- А мы с тобой, док...
- Мы с вами, сержант, делаем свое дело. И не задаем лишних вопросов.
- Мне нравится ход твоих мыслей, док.
- Благодарю, сержант.
- Эй, послушайте... Меня что, отправили в армию?

Тишина.

– Эй!.. Вы что, все умерли?

Пауза.

И вдруг – оглушительный хохот. Сразу с обеих сторон.

Сержант, сквозь хохот:

– Нет, мне определенно нравится этот тип!

Док, вторя ему:

– А я что говорил!

Щелкнули удерживающие руки зажимы.

Он сделал движение кистью.

– Постойте! – Голос дока. – Не торопитесь!.. Сейчас открою вам глаза.

Его век коснулось что-то мягкое и влажное.

– Вот так... Попробуйте теперь... Нет, не руки – глаза.

Он приподнял веки.

Серый полумрак, перемежающийся белыми и светлыми пятнами. Мир, разваленный на пиксели.

- Я ничего не вижу.
- Сейчас...

Тень перед глазами. Ощущение прохлады на склерах. Мир сделался еще более туманным и расплывчатым.

Он несколько раз моргнул. Закрыв глаза, сосчитал до десяти – он умеет считать! – и снова открыл их.

Теперь он уже мог различать силуэты и контуры окружающих его предметов. Нечеткие, но вполне определенные.

Он находился в небольшой комнате с белым потолком и стенами, выкрашенными в лимонно-желтый цвет...

Он вспомнил! Дома в ванной у него стоял пластмассовый утенок. Точно такого же цвета, как стены. На спине у утенка имелось несколько круглых отверстий, в одно из которых он ставил свою зубную щетку. Обычно он выбирал крайнее отверстие. Но иногда, для разнообразия, ставил щетку в среднее... Когда это было? Он пытался и не мог вспомнить. В памяти мелькали лишь неясные образы, похожие на отблески солнечного света на чистом, прозрачном стекле.

Тень...

Полутень...

Снова тень...

Насколько он мог судить, в комнате не было окон. Свет давала люминесцентная лента шириной в ладонь, наклеенная по всему периметру в полуметре от потолка.

– Посмотрите на меня... Эй! Вы меня слышите?

Он повернул голову. В шаге от него стоял тот, кого сержант называл доком. На нем голубой медицинский костюм с форменной нашивкой на груди.

– Где я?

– Не все сразу, – улыбнулся док.

Доку лет шестьдесят. Он бодр и полон энергии. У него большая, очень большая, непропорционально большая голова с широким приплюснутым носом, чуть раскосыми глазами и отвислыми губами. Прическа – нарочно не придумаешь. Глубокая залысина, достающая до самой макушки, и длинные седые, немного выющиеся волосы, торчащие во все стороны и в виде неухоженных бакенбард сползающие по щекам до подбородка. Возможно, именно поэтому док показался ему похожим на удивительную помесь льва с верблюдом.

– Я хочу встать.

– Пожалуйста.

Тихо клацнули удерживающие ноги зажимы.

Он согнул ноги в коленях, поднял руки и провел ногтями по голой коже бедер. По коже побежали мурашки. Он улыбнулся – ему понравилось ощущение.

– Давайте я вам помогу.

Доктор поддержал его за локоть, когда он начал подниматься.

Как только тело приняло вертикальное положение, голова закружилась, словно от стакана крепкого вина. Он сел, свесив ноги, на краю постели, опустил голову и прижал ладони к вискам.

Доктор быстро приложил к его плечу пневмошприц и сделал инъекцию.

Он сквозь пальцы посмотрел на дока.

– Что это?

– А вам не все равно? – Док усмехнулся и похлопал его по голому плечу. – Давайте-ка поднимайтесь на ноги.

Опираясь рукой о край ложа, он вытянул ногу и осторожно коснулся кончиками пальцев пола. Теплый пластик, должно быть, с подогревом. Он плотно прижал пятку к полу и поставил рядом другую ногу. Затем собрался с духом и отпустил руки. Голова больше не кружилась, и он вполне уверенно стоял на ногах.

Он поднял голову и увидел сержанта, стоявшего по другую сторону постели. Нет, это была не постель, а узкий топчан, застеленный серой мятой простыней. Сколько он пролежал на ней?..

– Где я?

Снова тот же самый вопрос.

Почему-то он беспокоил его больше, чем другой вопрос, который со временем тоже придется задать: «Кто я?»

Сержант – широкий волевой подбородок, холодный взор из-под насупленных бровей, темно-зеленая униформа, – взял со стула тонкую стопку серой, до отвращения серой одежды и кинул ее на топчан.

– Одевайся!

Он только теперь осознал, что стоит совершенно голый среди двух одетых людей. Схватив одежду, он стал торопливо натягивать ее на себя. Нижнего белья не было. Только штаны и куртка из грубой, плотной синтетической ткани. Один магнитный зажим на поясе, три – на груди.

– Молодец, – одобрительно выгнул губы сержант.

– Простите. – Он теперь обращался не к доку, а к сержанту. – Но я до сих пор не пойму, где я нахожусь?..

– Скоро поймешь. – Сержант ногой подтолкнул ему две закрытые пластиковые тапки, похожие на галоши ярко-розового цвета.

– Наверное, что-то случилось... – Галоши оказались безразмерными, но вполне удобными. – Это ведь больница?..

– В каком-то смысле, – усмехнулся сержант. – Давай, на выход!

– Да, конечно... – Он бросил взгляд по сторонам, словно хотел убедиться, что ничего не забыл. Посмотрел на дока. – Только один вопрос. С моими... С моими родными все в порядке?

– Я сказал, на выход! – рявкнул сержант и схватил его за локоть.

– Одну минуту, сержант! – вскинул руку док. – Я должен провести тест.

– К черту, док! С ним все в порядке!

– Не уверен...

Док взял его за другой локоть, подвел к столику, на котором стояло несколько приборов, и усадил на стул.

– Док, – с тоской посмотрел на врача сержант. – Нас ждут тридцать два клиента.

– Ничего, подождут, – спокойно ответил док.

Он отметил про себя, что док, выходит, имеет большую власть, чем сержант. По крайней мере, здесь, в этом помещении.

Но что они хотят от него?..

Док надел ему на левое запястье широкий пластиковый браслет с металлическими контактами, прилепил на левый висок присоску и включил прибор.

– Отвечайте на мои вопросы как можно более точно и кратко. Как вас зовут?

Он задумался.

В самом деле, у него ведь должно быть имя...

– Как вас зовут?

– ...Не знаю.

– Сколько вам лет?

– Не помню.

– У вас в детстве была собака?

– Нет.

Док наклонил кудлатую голову к плечу.

– Вы уверены?

– Да.

Док посмотрел на показания прибора.

– Он действительно в этом уверен, – сообщил он сержанту.

– Ну и что, – безразлично дернул плечом тот.

Новый вопрос:

– Вы женаты?

Перед внутренним взором мелькают лица. Множество лиц. Он пытается выбрать из них одно, которое станет ответом на заданный вопрос...

– ...Не знаю.

– В каком возрасте у вас был первый сексуальный контакт?

– Контакт?..

– Вы любите свою жену?

– Да!

Док снова бросил многозначительный взгляд на сержанта.

– Вы блондин или брюнет?

– Я?..

Он поднял руку и провел ладонью по гладко выбритой голове.

– Как вас зовут?

– Я же сказал, не помню!..

Он почувствовал, как начинает злиться, но почему-то решил, что лучше это не демонстрировать.

Врач глянул на показания прибора и сделал пометку в элноте.

– Док! – многозначительно посмотрел на врача сержант.

– Уже заканчиваю. – Док нажал синюю кнопку на лицевой панели прибора. – Как зовут ваших родителей?

– Не помню.

Теперь он даже не пытался вспомнить. Ему определено не нравилась игра, в правила которой его не посвятили. Забыли или не сочли нужным?..

– Ваши родители живы?

– Не знаю.

– А вы?

Док пристально посмотрел на него.

– Что – я? – растерялся он.

– Вы – живы?

– А вы разве сами не видите?

– Я задал вам вопрос.

– Да, грешное пламя, я жив! – Он все же не сдержался. – Но, похоже, у меня здорово отбило память!.. Как вы это называете, амнезия?..

Док не удосужился ответить. Он посмотрел на сержанта и сказал:

– Боюсь, у вас с ним возникнут проблемы.

– Не беспокойся. – Сержант достал из кармана пластинку жвачки, снял с нее обертку и, сложив пополам, сунул в рот. – Я на строевой и не таких обламывал.

– Мне кажется, вы не понимаете, в чем тут дело...

– Док, этот парень готов исполнить свой гражданский долг?

– Определенно, да. Но, при всем моем уважении, сержант...

– При всем моем уважении, док, ни с кем другим из новой команды ты не возился так долго, как с этим. – Сержант протянул врачу открытый элнот. – Поставь подпись. Остальное – моя забота.

Док посмотрел на него, как будто решая, что делать. Затем быстро снял браслет и присоску и выключил прибор.

– Сержант, вы пользуетесь моим к вам хорошим отношением.

Он взял световое перо и поставил размашистую подпись в элноте сержанта.

– Док, мы одна команда. – Сержант захлопнул элнот и спрятал его в нагрудном кармане. – Мы делаем общее дело. Большое и нужное. И должен сказать, – сержант показал большой палец, – неплохо справляемся!

Док наклонил голову и устало провел ладонью по лбу.

– Я мечтаю лишь об одном – как бы поскорее вернуться домой.

– Сколько у тебя еще до завершения контракта?

– Около восьми месяцев.

– Не так уж много.

– Еще восемь месяцев среди живых мертвецов – это чокнуться можно.

– Ты разве не знал, чем придется заниматься?

– Знал. Но представлял это иначе.

– Думал, что попадешь в рай, а оказался в аду? – усмехнулся сержант.

– Что-то вроде того, – помахал кончиками пальцев врач.

– Хочешь бесплатный совет, док? Не относись к ним, как к людям. Даже как к бывшим людям – не стоит.

– А как я должен к ним относиться?

– Придумай сам что-нибудь.

– А что вы для себя придумали?

Сержант впервые за все время разговора не усмехнулся, а именно улыбнулся. И приложил палец к губам.

– А этого, док, – произнес он заговорщицким полупшепотом, – я даже тебе не скажу.

Он слушал разговор военного с врачом и ничего, ровным счетом ничего не понимал. Ни единого слова. Как будто они говорили на чужом, не знакомом ему языке. Выстроенные в фразы слова скользили по поверхности сознания, не проникая вглубь. И исчезали, подобно вспышкам праздничных огней, оставляющих после себя лишь дым и неприятный запах.

Сержант хлопнул его по плечу.

– Вставай!

Он сжал руки в кулаки и насупил брови.

– Я никуда не пойду.

– Что?

Произнес это короткое слово сержант, но, судя по выражению лица дока, тот был удивлен не меньше.

– Я никуда отсюда не пойду, пока мне не объяснят, что происходит.

Сержант наклонился и попытался заглянуть ему в глаза. Захотелось опустить голову, чтобы спрятать взгляд.

– Да ты знаешь, что ты такое? – не спросил, а презрительно выплюнул, как потерявшую вкус жвачку, сержант.

– Нет! – зло глянул он на сержанта. – Скажи мне!

– Ты – дерьмо! – Сержант довольно чувствительно ткнул его указательным пальцем в лоб. – Кусок стопроцентного дерьма! И, если ты прилипнешь к моему ботинку, я разотру тебя об землю! Понятно?

– Нет!

– Док? – растерянно, а, может быть, с обидой посмотрел на врача сержант.

– Я вас предупреждал.

Врач откинулся на спинку стула и сложил руки на груди, будто отгораживаясь от всего происходящего.

– Ну, ладно.

Сержант выдернул из-за пояса резиновую дубинку с явным намерением пустить ее в ход.

Он вцепился обеими руками в стул, на котором сидел, и приготовился получить удар. Ему было все равно.

Видимо, врач это понял.

– Постойте, – подняв руку, остановил он сержанта. – Так вы от него ничего не добьетесь.

– Я не люблю пользоваться стоппером.

– А я и не предлагаю вам это делать. – Док положил обе руки перед собой на стол и посмотрел на него. – Вы хотите знать, что происходит?

– Да. Хочу.

– В таком случае вам следует пойти с сержантом. Он все объяснит, когда вы присоединитесь к группе.

– К какой еще группе?

– Вы очень скоро все узнаете. Но лишь в том случае, если будете вести себя подобающе. Могу с уверенностью сказать, что позиция, которую вы пытаетесь занять, неконструктивна. Лишь внимательное отношение к тому, что вам говорят, приведет вас к пониманию, и лишь уважение к наставникам поможет вам освоиться в новой для вас среде.

– Наставник? – кивнул он на сержанта.

– Наставник, – утвердительно наклонил голову док. – Уже хотя бы потому, что, в отличие от вас, он понимает, что происходит. Разве не так?

– И он все объяснит?..

– Как только вы присоединитесь к группе.

– Вы не пытаетесь меня обмануть?

– А зачем?

– Ну, ладно. – Он положил кончики пальцев на край стола. – Только ответьте мне на один вопрос.

– Нет.

– Кто я?

– Сержант! – Док вздохнул и закатил глаза.

– Все! – Он вскинул руки с открытыми ладонями, не для того, чтобы защититься, а чтобы попытаться развеять в стороны мрак. Но у него ничего не получилось. – Я готов. – Он встал и улыбнулся сержанту. Без надежды на ответ. Просто так. – Сержант?..

– Для тебя, дерьмо, господин сержант.

– О, да! – Он шлепнул пятками галош и уперся подбородком в грудь. – Дерьмо, господин сержант!

– Слушай, док, – немного удивленно глянул на врача сержант. – А он быстро ожил.

– Я запрошу его медицинское досье. Возможно... Ну, в общем, всякое случается.

– Это ты к чему, док?

– Потом! – замахал руками врач. – Потом поговорим! Вас ждет группа!

Сержант улыбнулся одними губами, коротко козырнул и, на ходу бросив: – За мной, – направился к выходу.

Глава 3. День 1-й

Они вышли в серый, безликий, смертельно скучный коридор. Две двери слева. Одна – справа. Тусклая люминесцентная полоска, наклеенная вдоль потолка.

Сержант толкнул одну из дверей и знаком велел заходить.

За дверью – большая комната без окон, с низким потолком, похожая на пустой пенал. Или – коробку для красок. Никакой обстановки – только пять длинных, узких скамеек. И – люди, похожие на предметы интерьера. Тридцать с лишним человек. Все – мужики. Все с бритыми под «ноль» головами, одетые в одинаковые серые куртки и штаны и розовые галоши. Возрастной диапазон – от двадцати пяти до шестидесяти. Лица испуганные, растерянные, удивленные, непонимающие. Один здоровый во втором ряду, с широким лицом, выступающим подбородком и расплюснутым носом глядит на сержанта, не скрывая злости. Кажется, дай ему в руки нож, и мужик тотчас же кинется на военного, чтобы одним взмахом, профессионально рассечь сонную артерию. Трое пожилых мужчин в первом ряду явно не в себе. Пуская слюни, они безучастно глазят по сторонам. Один из них при этом еще и руками водит, будто подгребая что-то к себе.

– Садись, – сказал сержант тому, с кем пришел.

– Куда? – растерялся тот.

– На любое свободное место. – Сержант усмехнулся. – У нас тут не тюрьма.

– А что же тогда? Приют для умалишенных?

– На место, – рыкнул сквозь зубы сержант.

На четвертой скамейке с краю оставалось свободное место – туда он и сел.

– Ну, вот, вся команда в сборе. – Сержант широко расставил ноги, руки сцепил за спиной. Не человек, а памятник самому себе. – Сейчас я вам дам короткую вводную информацию, после чего вы перейдете к выполнению своих непосредственных обязанностей. Имейте в виду, второй раз я ничего повторять не стану. Ни на какие вопросы отвечать не буду. И ни слова не скажу сверх того, что считаю нужным. Любые высказывания и замечания по ходу моего выступления будут расцениваться как нарушение дисциплины и соответствующим образом пресекаться.

– Как именно? – насмешливо поинтересовался широколицый.

– Очень хорошо, что ты задал этот вопрос, – осклабил сержант. – Дабы впредь никто этим не интересовался, давайте прямо сейчас проведем демонстрацию.

В руке сержанта появилась серебристая коробочка, похожая на брелок. Он нажал кнопку, и несколько человек, находившиеся в разных концах комнаты, включая широколицего, упали на пол и стали корчиться в судорогах. Выждав десять секунд, сержант отпустил кнопку. Медленно, словно боясь, что корезившая их тела боль может вернуться, люди стали подниматься с пола.

– Прошу всех занять свои места, – усмехнулся сержант. – Надеюсь, ни у кого больше нет вопросов?

– Я хочу знать... – это снова был широколицый.

Не дав ему закончить, сержант нажал кнопку.

И вновь те же самые десять-одиннадцать человек забились в корчах на полу.

На этот раз сержант чуть дольше не отпускал кнопку.

– Еще вопросы? – поинтересовался он, прекратив экзекуцию.

Широколицый уронил голову и спрятал в ладонях.

Остальные молчали.

– Эта вещичка, – сержант поднял руку с зажатым в ней брелоком, – называется стоппер. Активируя микрочипы, вживленные в мозг каждого из вас, стоппер вызывает весьма и весьма

болезненные судороги. Дабы повысить уровень дисциплины, все подразделение разбито на три группы по одинадцать человек. Наказывая одного провинившегося, я наказываю всю группу разом. Очень эффективная система. Те, кто не хочет подвергаться наказанию, сами следят за дисциплиной в группе. С этим, надеюсь, все ясно?

Тишина.

Несколько человек молча кивнули.

Глядя на них, с энтузиазмом замотал головой слюнявый в первом ряду.

– Переходим к следующему вопросу. – Сержант вновь сцепил руки за спиной и сделал несколько шагов вдоль стены. – Полагаю, всех вас интересует вопрос, кто вы и как вы тут оказались. Отвечаю коротко и ясно: вы – должники! И здесь вы для того, чтобы вернуть свой долг. Нет, вы не проигрались в карты и не сбежали, не оплатив взятые кредиты. Вы задолжали своему государству. И крепко, скажу я вам, задолжали. Вы не оправдали те средства, что были вложены в ваше образование и повышение вашего профессионального уровня. Вы, можно сказать, выбросили на ветер те деньги, что вкладывал Союз Шести Планет в создание самой прогрессивной во всей Галактике системы безопасности и здравоохранения. Все, что делалось для вашего блага, вы обратили в прах. Вы все совершили одну и ту же огромную ошибку – слишком рано умерли. Да, да, придурки грешные, вы все здесь покойники. Мертвецы, воскрешенные с помощью новейших технологий. И это, между прочим, еще одно, дополнительное вложение, которое сделало в вас государство. У каждого из вас в мозгу полторы дюжины микрочипов. Один из них, как вы уже знаете, связан со стоппером. Остальные поддерживают вашу мозговую активность. И, что самое замечательное, благодаря им вам становится не нужен сон. Ваши мышцы нашпигованы имплантатами. Сердце заставляет работать вшитый кардиостимулятор. Не функционирующую иммунную систему заменяет мощный иммунный коктейль, который наш доктор будет вводить вам примерно раз в месяц. Без него вы очень быстро загниетесь. Так же как и без специальной пищевой смеси, которую только и способна теперь воспринимать ваша пищеварительная система. Ее вам достаточно получать раз в сутки. Вот без чего вы обойтись не можете, так это без воды. Но, по счастью, на этой планете воды достаточно.

– А что это за планета? – спросил кто-то из третьего ряда.

Сержант с досадой качнул головой и задействовал стоппер.

Тот, что пришел последним, почувствовал, как его тело будто пронзил разряд электрического тока, от пяток до макушки. Он упал на пол и забился в конвульсиях. Боль скрутила мышцы с такой силой, что, казалось, они начали выламывать суставы. Единственным спасением от безумия было то, что мозг в этот момент отключился, и, испытывая боль, он в то же время не понимал, что происходит. Когда боль прекратилась, так же внезапно, как и возникла, он молча поднялся и сел на скамейку. От боли не осталось и следа, но тело хранило воспоминание о пережитом кошмаре.

– Вопрос был совершенно бессмысленный. – Сержант крутанул на пальце кольцо, на которое был надет стоппер. – Потому что я и сам собирался об этом рассказать. Мы находимся на одной из планет, расположенных в секторе, именуемом Грешный Треугольник. На какой именно – не имеет значения. Доставка грузов в этот сектор крайне затруднена. Каждый рейс обходится в копейчку. Даже Галактическая Федерация, извечный соперник Союза Шести Планет, не может позволить себе заниматься колонизацией планет Грешного Треугольника. Мы же нашли решение этой проблемы. Пока Галактическая Федерация еще только присматривается к Грешному Треугольнику, мы колонизируем все планеты земного типа в этом секторе, заселив их живыми мертвецами. Сильными, выносливыми и, что самое главное, непритязательными во всех отношениях. Надеюсь, теперь вы понимаете, насколько серьезная и ответственная задача перед вами поставлена. Вы должны сделать эту дикую планету комфортной для людей.

Сразу скажу, что это уже не первый наш опыт. Система отработана до мелочей. Если вы надеетесь отыскать в ней какую-то лазейку, лучше сразу забудьте об этом. Любое непови-

новение, нарушение дисциплины или попытка уклонения от работы будут сурово наказаны. У членов проштрафившейся группы сначала будут выборочно отключены некоторые мышечные имплантаты. В случае повторного нарушения – будут деактивированы мозговые чипы. Ощущения при этом возникают такие, что даже стоппер начинает казаться детской игрушкой. Человек чувствует, как медленно умирает. И ничем не может себе помочь. Хотите попробовать – ваше дело. Но лично я не советую. Я видел тех, кто прошел через это. Они уже и не зомби даже, а тупая, покорная, на все согласная скотина.

На планете вы останетесь одни. Мы будем навещать вас раз в тридцать дней, чтобы сделать очередную инъекцию иммуностимулятора и доставить месячную норму пищевой смеси. А заодно и оценить, что вам удалось сделать за месяц. В остальном вы будете предоставлены самим себе.

Есть вопросы?

Широколицый поднял руку.

– Ну, я смотрю, вы быстро учитесь, – довольно улыбнулся сержант. – Обращаясь ко мне, фразу следует начинать со слов «господин сержант». Давай!

– Господин сержант, я не совсем ясно понял нашу задачу. Мы что же, должны голыми руками возводить в пустыне города?

– Говорят, когда-то именно так и поступали. Причем не с мертвецами, а с живыми людьми. Они голыми руками строили города среди вечной мерзлоты и при этом еще ели друг друга. Мы вас к каннибализму не подталкиваем. У вас будет все необходимое: еда, топливо, запасная одежда, кое-какие инструменты, ну и прочее, что может понадобиться для... жизни. Вам нужно лишь честно трудиться на благо родины.

– Родины, родины, родины... – как маятником замотал головой один из слюнявых.

– Господин сержант, позвольте еще вопрос?

– Давай.

– Господин сержант, для чего нам эти трое умалишенных?

– Наши специалисты уверены, что со временем их мозговая деятельность восстановится. Если же вопреки ожиданиям этого не произойдет, мы избавим вас от них. Кстати, вам очень повезло с планетой. Она расположена в системе двух звезд. И на ней не бывает ночи, лишь сумерки, когда раз в три дня оба солнца склоняются к горизонту. Сутки на ней длятся чуть больше тридцати двух часов, так что стандартный месяц составляет двадцать дней по местному календарю. Впрочем, вам это ни к чему. Вы станете считать время от одного нашего визита до другого. Что еще?.. Здание, в котором мы сейчас находимся, будет открываться только в день нашего визита. Ящики с запасом пищевой смеси уже складированы на улице. Но впредь вам придется заниматься этим самим.

– Господин сержант! – поднял руку очень худой мужчина лет сорока пяти в третьем ряду. – Позвольте вопрос!

– Давай! – махнул рукой сержант.

Ему явно нравилось происходящее. Бессилие и бесправие сидящих на скамьях людей заряжало его оптимизмом и верой в светлое будущее.

– Господин сержант, что будет, когда мы закончим работу?

– На ваше место придут настоящие колонисты. Живые люди.

– Господин сержант, а мы? Что будет с нами?

– С нами – это с кем? – переспросил сержант.

– С нами, – задавший вопрос обвел рукой всех, находившихся в комнате. – Со всеми.

– Вы не слушали, что я говорил? – не очень старательно изобразил недоумение сержант. – Вы, – он повторил жест одетого в серое мужчины, – все здесь находящиеся, не кто иные, как покойники. Живые мертвецы. Зомби, привлеченные на общественно значимые работы. Ваши друзья и родственники похоронили вас и оплакали. Ваши имена вымараны из всех существую-

щих баз данных. У вас нет никаких документов. А, следовательно, вы лишены всех прав граждан Союза Шести Планет. У вас нет прошлого, так же, как и нет будущего. Вы утратили свои личности. У вас нет даже имен. Каждый из вас – рабочая единица, промаркированная соответствующим индексом. Первые три буквы – код вашей группы, дальше – ваш индивидуальный номер. С этой планеты у вас только одна дорога – в крематорий.

Человек, пришедший последним, посмотрел на нагрудный карман своей куртки. На него была наклеена бирка – Дик-33.

Глава 4. День 8-й

– Эй, Тридцать Третий!

Дик-33 обернулся.

Широколицый – Дик-18, – с первого дня взявший на себя обязанности раздатчика пищи, кинул ему небольшой прямоугольный пакет. Серый, как и их одежда. Ни надписи, ни рисунка, ни маркировки. Посылка на тот свет.

Дик-33 зубами оторвал у пакета уголок и начал медленно втягивать густую, как кисель, и абсолютно безвкусную смесь. Пищевую, грех ее. Каждый глоток давался с трудом. Казалось, смесь комом встает в горле и, того гляди, пойдет обратно. И этой мерзостью ему предстояло питаться до конца своих дней. Или, правильнее сказать, от конца своих дней? Но тогда до каких пор?.. В голову лезли разные мысли, но почему-то ни одной из них не хотелось уделить внимание. Уйдут так же, как пришли. И грех с ними. Чай, не последние... А даже если и так – какая разница, если конец уже наступил...

Смерть, как пройденный этап. Забавно или страшно?

Кому как...

Вон Дик-2 пускает слюни и пальцем в носу ковыряет. И нет ему никакого дела до жизни и смерти. Он – вне времени. Ему все – до плеча. И не исключено, что в сложившейся ситуации это самая наилучшая стратегия. Пусть все идет своим чередом, а я буду сопли жевать. И ждать, когда снова сдохну.

Дик-33 поднялся на ноги, вылил на землю остатки питательной смеси из пакета и пошел к зеленому прямоугольному зданию. Уродливый барак со стенами из гофрированной жести был главным, серьезным напоминанием о том, что планету когда-либо посещали люди. А еще – металлическая труба с вентилем на загнутом конце, торчащая прямо из земли. Дик-33 повернул вентиль, и из крана потекла вода. Он сполоснул пакет, наполнил его водой и залпом выпил. После мерзкого пойла, именуемого пищевой смесью, даже простая вода из артезианской скважины казалась необычайно вкусной. Дик-33 снова до краев наполнил пакет водой, осторожно держа его, вернулся на прежнее место и сел на выступающий из земли камень.

Вокруг расстилалась каменистая пустыня. Слева от того места, где он сидел, у самого горизонта вверх поднимались не то высокие холмы, не то отроги далеких гор. Небо было странного сливового цвета. Большое солнце стояло почти в зените. Малое, продираясь сквозь рыхлые, будто намокшие облака, клонилось к горизонту. Чужой, непонятный мир.

Он смотрел на этот пейзаж уже трое суток. Убийственное в своей тупости времяпровождение. Остальные занимались примерно тем же. Некоторые собирались по трое, по четверо и о чем-то негромко переговаривались. Но, видно, так и не приходили к единому мнению, потому что вскоре снова расходились в разные стороны. Никто не уходил далеко лишь потому, что возле барака находился кран с водой и ящики с едой. Хотя стоило ли оно того?.. В смысле, не лучше ли было бы уйти в пустыню и там умереть от голода и жажды? Или никто из них даже умереть по собственной воле не сможет? Имплантаты все равно будут поддерживать жизнь или хотя бы видимость жизни в высохшем, обезвоженном теле, не давая переступить последнюю границу?

Дик-33 пытался вспомнить свою жизнь. Ну, пусть не всю, хотя бы один крошечный фрагмент. Кусочек. Деталь. Один-единственный застывший кадр. Хоть что-нибудь, что связывало бы его с прошлым. Но видел он только черную пустоту. Мрак. Безысходность.

Он был никем. Диком-33. Зомби на службе родине.

Из-под камня выскользнула омерзительного вида тысяченожка и попыталась залезть к нему в галошу. Дик-33 с наслаждением раздавил ее ногой. Оказывается, лишиться жизни другое существо совсем не сложно. А, может быть, это не первый его опыт? Кем он был в прошлом?

Учителем геометрии или наемным убийцей?.. А может быть, и тем и другим одновременно? Днем учил детей рисовать треугольники, а ночью в темных подворотнях перерезал жертвам глотки?..

Грех, какая дурь в голову лезет!

– Как дела, Тридцать Третий? – присел рядом на корточки Дик-18.

Дик-33 непонимающе посмотрел на широколицего и безразлично пожал плечами.

Дик-18 глотнул пищевой смеси из пакета, что держал в руке.

– Поговорить бы надо.

– О чем?

– О том, как жить дальше.

– Жить? – Дик-33 произнес это так, будто не понимал значения слова. – Ты разве не в курсе, что все мы уже мертвы?

– И об этом тоже, – коротко кивнул Дик-18. – Ты полагаешь, сержант сказал нам всю правду?

– Ну, может быть, и не всю... – Дик-33 задумался. В самом деле, насколько откровенен был с ними сержант? – А как еще объяснить то, что никто из нас не помнит своего прошлого?

– Грех ты мой! – не то изумленно, не то в растерянности всплеснул руками Дик-18. – Это то как раз объяснить проще всего! Заблокировать те или иные участки памяти может даже гипнотизер в цирке. Ты слышал что-нибудь о психотронном оружии? Военные давно уже носят с идеей управления сознанием. А что, если они уже реализовали ее на практике?

– А при чем тут мы?

– При том, что не похожи мы на оживших мертвецов. Я лично себя покойником не чувствую. Скорее, я бы предположил, что мы военнопленные. Или преступники, приговоренные к длительным срокам заключения. Которых таким вот нетрадиционным способом решили использовать на общественно-полезных работах.

– Ты это серьезно? – подозрительно, как на вероятного мошенника, посмотрел на широколицего Дик-33.

– Не знаю. – Дик-18 одним глотком допил пищевую смесь и со злостью подальше зашвырнул пустой пакет. – Что я могу сказать, если мне, как и тебе, память отшибло?

– Ты вообще ничего не помнишь?

Дик-18 потер пальцами виски.

– Знаешь, иногда возникает ощущение, что вот-вот что-нибудь проклянется. Так иногда пытаешься вспомнить слово, которое вертится на языке, а из памяти ускользает. Мерзкое ощущение. Словно хочешь почесать зудящее место, а дотянуться не можешь.

Дик-33 согласно кивнул – ему тоже было знакомо это гадкое, сводящее с ума ощущение.

– Так о чем ты хотел поговорить?

– Уже третий день, как мы здесь. А вокруг, – Дик-18 широко, со злостью взмахнул рукой с открытой ладонью, будто намеревался стереть окружающий унылый пейзаж. – Вокруг, как и прежде, пустыня.

– Я тебя не понимаю, – покачал головой Дик-33.

– Нас сюда привезли для того, чтобы мы обживали планету. Так ведь?

– Сомневаюсь, – саркастически усмехнулся Дик-33. – Очень сомневаюсь, что условия, в которые нас поставили, могут вызвать прилив трудового энтузиазма.

– А я и не говорю об энтузиазме. – Дик-18 чуть подался вперед и понизил голос, как будто хотел, чтобы никто, кроме Дика-33, его не слышал. – Речь идет о выживании... Э, постой! – Он поднял руку, предупреждая возможные возражения. – Кто мы и как... вернее, за что мы тут оказались – с этим можно и после разобраться. Кем бы я ни был, я хочу остаться живым. И попытаться выбраться из этой передраги.

– Зачем? – с тоской, а может, с жалостью посмотрел на него Дик-33. – Ты же слышал, нас изменили так, что мы уже никогда не станем нормальными людьми.

– Ну, во-первых, как я уже говорил, не стоит принимать на веру все, что тебе сказали. А, во-вторых, то, что однажды было отрезано, можно обратно пришить. У нас самая передовая медицина.

– У нас – это у кого? – поинтересовался Дик-33.

– Не важно, – мотнул головой Дик-18. – Для того чтобы во всем разобраться, мы должны перво-наперво выжить. Но, оставаясь под открытым небом, сделать это будет нелегко. Нам, скорее всего, повезло, что все три дня, что мы тут находимся, стоит хорошая погода. А если завтра начнется ливень или выпадет снег? Мы ничего не знаем о местных животных. Среди камней ползают какие-то твари, в небе летают птицы – значит, могут появиться и крупные хищники. Я не хочу, чтобы меня сожрал какой-нибудь греховный дейноних.

– Кто? – удивился Дик-33.

– Древний ящер, обитавший некогда на Земле.

– Откуда ты это знаешь?

– Понятия не имею... Может быть, вспомнил? – Дик-18 оживился. – Я же говорил, это только блоки, поставленные на наших воспоминаниях! Со временем мы научимся их ломать!

– Ты оптимист, – усмехнувшись, с сомнением покачал головой Дик-33.

– Ну, да, а по-твоему, лучше сидеть, ничего не делать и думать о смерти?

– Что конкретно ты предлагаешь?

– Жить! Жить назло тем, кто нас сюда засунул! А для этого нам и остальных нужно заставить работать. Кого уговорами, кого пинками – это уж как выйдет. Даже тех троих, что сопля сами утереть не могут. Работать не на тех, кто все это затеял, а ради самих себя. Пускай они думают, что мы выполняем их приказ – мы-то знаем, для чего нам это нужно. А то, что, являясь раз в месяц с инспекцией, наши тюремщики будут оставаться довольными, так это ж тоже нам на руку. Уверовав в нашу покорность, они станут терять бдительность. Мы же будем по крупицам собирать информацию, которая поможет нам однажды вырваться из плена.

– И вспоминать, – добавил Дик-33. – Мы будем стараться вспомнить, кто мы и что с нами произошло. Почему и как мы здесь оказались.

– Конечно, – с энтузиазмом кивнул Дик-18. – Мы будем делать все ради того, чтобы в один замечательный день свалить отсюда. Я уже переговорил с Двадцать Первым – он тоже с нами. В ящиках рядом с баракком есть инструменты – лопаты, кирки, пилы, топоры, – нужно браться за дело!

– И с чего ты предлагаешь начать?

– Поскольку какой-никакой едой мы все же обеспечены, нужно строить жилье.

– Ты знаешь, как это делают?

– Нужно найти того, кто знает! Нас здесь тридцать три человека. Должен же быть хоть один мало-мальски разбирающийся в строительстве.

Дик-33 хотел было поскрести в затылке, но пальцы коснулись непривычно голой кожи, и он лишь провел ладонью по лысой голове.

– Ты действительно веришь в то, что говоришь?

– Знаешь, дружище, ни мне, ни тебе больше не во что верить. Так что, можно сказать, у нас нет выбора – мы можем надеяться только на самих себя. Но! – Дик-18 поднял палец. – Про то, о чем мы с тобой сейчас разговаривали и о чем будем говорить в дальнейшем, знать должны только трое – ты, я и Двадцать Первый. И никто другой.

– Почему?

– Среди тридцати человек непременно найдется хотя бы один, который решит, что стоит рассказать об этом охранникам. Причины могут быть самые разные – от надежды заслужить смягчение приговора до простого скотского желания выслужиться.

Дик-33 по-новому посмотрел на собеседника. Все они, обритые наголо и одетые в одинаковые серые робы, были похожи друг на друга. Наверное, поэтому трудно было поверить в то, что каждый из них, несмотря на то, что личность его была раздавлена и сломана, оставался индивидуальностью. Хотя бы в самом малом. И любому из них было не чуждо ничто человеческое. Каждый был способен как на подвиг, так и на предательство. Все зависело от того, как сложатся обстоятельства. Шаг влево – и ты герой, шаг вправо – скотина грешная.

– Похоже, ты хорошо знаешь людей.

– Вот только не помню, где опыта набирался.

– Тогда ответь, почему ты решил, что мне можно доверять?

Дик-18 усмехнулся и почесал пальцем кончик носа.

– Я тебя заметил сразу, как ты вошел в ту комнату, где остальные уже сидели по лавкам. У тебя взгляд был пустой. Но не как у дебила, а как у человека, который лишился всего, что имел, а, значит, ему больше нечего терять. Такой человек готов на все, но не способен на предательство. Уже хотя бы потому, что не видит в нем смысла – для него ведь все уже потеряно. –

Дик-18 наморщил нос и прищурился. – Что, неубедительно?

– Для кого как, – ушел от прямого ответа Дик-33. И в свою очередь спросил: – Тебе нравится то, что день на этой планете никогда не кончается?

Глава 5. День 154-й

Увидев, что за ним кто-то наблюдает, Дик-18 не испугался, а почувствовал странную восторженность, вроде той, что чувствует утопающий, каким-то чудом вынырнув из воды. Он понимал, что нужно что-то сделать, но вот что именно, не знал. Поэтому, потрясая занесенным для удара ножом, он во всю глотку заорал:

– А ну, выходи! Выходи, кому говорю!

Раздвинув ветки, из кустов поднялся человек. Из одежды на нем была только пестрая юбка до колен, сплетенная из толстых разноцветных веревок, и что-то вроде широкого платка, накинутого на плечи, с концами, завязанными узлом на груди. Кожа незнакомца имела светло-палевый оттенок. Темные, почти черные, мелко вьющиеся волосы были собраны в узел на затылке. Несмотря на общее анатомическое сходство, достаточно было взглянуть на лицо аборигена, чтобы понять, что это не человек. Его маленькие круглые уши были подняты почти к самым вискам, вместо носа имелось лишь одно дыхательное отверстие, прикрытое плотной кожаной складкой. Губ у чужака не было, из-за чего рот его напоминал тонкий, длинный шрам. Разрез глаз, сильно вытянутых и смещенных к ушам, был настолько узким, что не позволял увидеть их цвет. Чужак держал в руке копьё с длинным древком и широким листовидным наконечником из темного металла.

Лицо его было невозмутимо спокойно. Казалось, он не только не испугался, но даже не удивился, встретив троих странных, не похожих на него незнакомцев.

Дик-18 крест-накрест рассек ножом воздух перед собой.

– А ну, брось копьё! Брось, кому говорю!

Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что стратегически положение чужака с копьем было куда более выигрышным. Но ему казалось, что, раз уж он начал отдавать приказы, то и продолжать следовало в том же духе.

– Бросай оружие, тебе говорю! – Дик-18 изобразил угрожающий выпад ножом. – Бросай, а не то порежу!

На лице чужака ни единый мускул не дрогнул. Он стоял, как стоял, опираясь на копьё, и вроде как с интересом наблюдал за приплясывающим на полусогнутых ногах человеком.

– Ну!.. Давай!..

– Восемнадцатый! Кончай!

– Что?

Дик-18 быстро глянул через плечо на оставшихся у него за спиной Дика-7 и Дика-33. Оба стояли в несколько напряженных позах. А рядом с ними – еще четверо желтокожих с копьями наперевес.

– Во, попали! – оскалился Дик-18. – Сержант ничего не говорил про аборигенов.

– Опустит нож, – сделал плавный успокаивающий жест рукой Дик-33.

– Они нас прикончат!

– Если они захотят, то прикончат нас в любом случае. Один твой нож против пяти копий ничего не стоит. Давай попробуем договориться.

– Как?..

Дик-33 подошел к разделанной туше антилопы, поднял ногу, которую успел откромсать Дик-18, и протянул ее стоявшему перед ним аборигену в юбку.

– Это подарок... Еда... Хорошая еда.

Лицо воина осталось бесстрастным.

– Так он тебя и понял, – усмехнулся Дик-18.

– Я понимать, – раздался голос у них за спиной.

Слова, прозвучавшие будто шелчок бича, произнес невысокого роста, чуть полноватый абориген, стоявший, как и все, с копьем в руке рядом с Диком-7. Выдержав совершенно необходимую в данной ситуации драматическую паузу, желтокожий гордо вскинул подбородок и постучал себя кулаком в грудь.

– Я понимать твой слова. Другие тоже понимать, но говорить... не хорошо... Плохо!

– Ну, ничего себе, – шепотом произнес Дик-7.

– Ничего, ничего, – улыбнувшись, похлопал его по плечу разговорчивый абориген.

– Мы здесь не по своей воле. – Дик-33 держал в руках ногу антилопы, не знал, что с ней делать, и чувствовал себя при этом полным дураком. – Мы хотим дружить... Понимаешь?

– Дружить – понимать, – кивнул абориген. – Не понимать, почему этот, – он острием копья указал на Дика-18, – ножом махать.

– Это... Это такое традиционное приветствие, – брякнул первое, что пришло в голову, Дик-33.

– Да! – с готовностью согласился с ним Дик-18 и острием самодельного ножа нарисовал в воздухе бабочку. – Привет тебе, друг!

– И тебе тоже привет, – помахал рукой абориген. – Вот только не надо меня за дурака держать.

– Ну, ладно. – Дик-18 сунул нож в карман. – Я был не прав. Извиняюсь.

Разговорчивый абориген сказал что-то своим соплеменникам, и те разом загомонили, головами закивали.

– Вот это правильно, – сказал абориген, обращаясь к Дик-18. – Это – поступок, достойный мужчины! Хапах!

Он вскинул над головой руку с выставленным большим пальцем. Остальные аборигены повторили его жест.

– Хапах! – перехватив ногу под мышку, поднял свободную руку Дик-33.

– Хапах! – сделал то же самое Дик-18.

Абориген посмотрел на молчавшего Дика-7 и тихонько толкнул его локтем.

– Хапах, – тихо произнес парень и показал аборигену большой палец.

– Хорошо, – кивнул тот.

– Это вам. – Дик-33 снова попытался всучить аборигенам ногу антилопы. – В знак дружбы. Мы добыли антилопу...

– Видеть, – перебил его абориген.

Он поднял лук Дика-18, подергал тетиву, цокнул языком и головой покачал, не то одобрительно, не то с насмешкой.

– Ты хорошо стрелять, – сказал он человеку. – Только оружие у тебя плохой. Я научить тебя, как делать правильно.

– Спасибо, конечно, – немного растерялся от неожиданности Дик-18.

Видя, что мясо никого не интересует, но будучи при этом твердо уверенным в том, что совместная трапеза непременно должна сблизить разумных существ, пусть даже они принадлежат к разным видам, Дик-33 решил иначе подойти к делу.

– Может быть, давайте разведем большой костер, нажарим мяса...

– Нет, – вновь перебил его абориген. То ли он сам по себе был нетерпелив, то ли подобная манера общения считалась у них в порядке вещей. – Брать свое мясо и идти с нами.

Это прозвучало не как предложение, а как приказ. Хотя, может быть, виной тому были необычные интонации, характерные для голоса аборигена.

Дик-33 и Дик-18 переглянулись.

– Ну, что, пойдём?

– Думаешь, стоит?

– Стоит, стоит, – вмешался в только что начавшееся обсуждение неумный абориген. – У нас хорошо. И такой, как ты, – он ткнул пальцем в Дика-7, – у нас есть.

– С вами живут люди? – удивился Дик-33.

– Живут, – кивнул абориген. – Один только... Другие быть, но помирать. Болеть шибко.

– Как-то не очень обнадеживающе звучит, – процедил сквозь зубы Дик-18.

– А, собственно, что нам терять. – Дик-33 решительно закинул ногу антилопы на плечо. – Далеко идти?

– Недалеко – есть захотеть не успеть.

– Тогда нужно тушу разделать, а то так, целиком, мы ее не дотащим.

– Это – да... Правильно.

Толстенький абориген что-то сказал своим соплеменникам. Те побросали копья, выхватили ножи и набросились на тушу.

Через пятнадцать минут от антилопы остались только позвоночник и копыта. Голову местный полиглот тоже велел взять с собой – сказал, что из нее хороший суп получится.

Быстро собрав вещи, отряд двинулся в путь.

Маленький абориген уверенно вышагивал впереди. Следом за ним шли все три Дика. По краям от них – два воина с копьями на плечах. И еще трое замыкали шествие.

– Наша земля для тебя опасно, – объяснил такое построение проводник. – Ты – чужой, мало знать и ничего не понимать. И оружие у тебя плохой. Злой зверь – ам! – Для наглядности он дернул головой и щелкнул зубами. – Ам!.. Сразу съешь!

Дик-18 был не согласен с местным жителем, в том смысле, что он вовсе не считал себя беспомощной жертвой хищников. Но разумно смолчал. Хозяева, как водится, бахвалятся перед гостями. Ну и ладно, от нас не убудет. Гораздо интереснее было узнать про людей, которые, по словам аборигена, жили какое-то время вместе с ними.

– Что за люди жили вместе с вами? – спросил Дик-33. – Кто они?

Вместо ответа абориген представился:

– Меня Ут-Ташан называть.

– А меня Тридцать Третий. Его – Восемнадцатый. А его – Седьмой.

Ут-Ташан искоса посмотрел на Дика-33. С его расположением глаз сделать это было совсем не сложно. При этом на лице никакого выражения.

– У тебя нет имя? – И голос совершенно бесстрастный.

– Нет, – честно признался Дик-33. – Так уж случилось...

– Это хорошо, – не стал слушать его объяснений Ут-Ташан.

– Хорошо? – искренне удивился Дик-18. – Что же в этом хорошего?

– Хорошо, хорошо, – уверенно заявил Ут-Ташан. – Так шаман говорить. А он умный. Много, много, умный, чем я. Он говорить, имя – это то, что у человека внутри. Его прошлое и будущее. Если отнять у человек имя, он будет как... Как камень. Понимать? Совсем холодный и пустой... Не живой... Понимать?

– Мертвый.

– Так, да, мертвый. Человек без имя – мертвый. Шаман, если хотеть подчинять себе человек, сначала забирать его имя. Тогда он будет делать все, что шаман говорить. Такой человек называть у нас йяуанк. Он похож на человек, но внутри – пустой. Вот. Думать, как мое имя? Ут-Ташан? Нет! – Абориген хитро улыбнулся и погрозил Дик-33 пальцем. – Ут-Ташан – это шутка... Нет – обман... Хитрый обман. Мой настоящий имя знать только я и мой отец – он дал мне имя. Вот.

– Так почему же хорошо, что у нас имен нет?

– Люди, что у нас жить, брать себе новые имена. И – все! – Ут-Ташан рубанул ладонью воздух. – Забывать прошлое! Забывать, кто они есть! Так шаман говорить.

– У тебя тоже другое имя, – напомнил Дик-18.

– Э-э! – лукаво погрозил ему пальцем Ут-Ташан. – Я свой настоящий имя помнить! Если забыть – тогда плохо. Шибко, шибко плохо. Тогда – вспоминать надо. Иначе – все! Конец! Понимать?

– Да, вроде бы, – кивнул Дик-18. – Ты хорошо язык выучил.

– Я сын хозяин племени! – гордо выпятил живот Ут-Ташан. – Меня шаман учить. Много, много учить. Я все знать! Когда отец помирать – я хозяин племя становиться.

– А много людей в вашем племени? – поинтересовался Дик-33.

– Много. – Ут-Ташан показал растопыренную пятерню. – Десять раз столько. И еще чуть-чуть.

– И другие племена есть?

Вместо ответа Ут-Ташан вскинул над головой копьё, потряс им и издал гортанный боевой клич. Сопровождавшие людей воины сделали то же самое.

– Враг помирать, если Ут-Ташан копьё кидать! – сообщил абориген.

– Понятное дело, – не стал спорить с ним Дик-18. – Так что же получается, – обратился он к Дик-33. – Те, кто нас сюда забросил, не знали, что планета обитаема?

– Выходит, что так, – согласился тот. – И никакого спутникового наблюдения за поверхностью планеты не ведется.

– Как же так-то? – на ходу развел руками Дик-7. – Колонизация обитаемых планет запрещена конвенцией, которую и Союз Шести Планет подписал.

– Это Грешный Треугольник, братишка, – похлопал его по плечу Дик-18. – Знаешь, почему он так называется? Потому что здесь творится черт знает что!

– В каком смысле?

– Грешный Треугольник не контролирует ни одна из галактических держав. Добраться сюда непросто – далеко от пересадочных станций, да и корабли тут часто пропадали. Галактическая Федерация пыталась заложить три станции, как раз по углам этого самого треугольника. – Дик-18 пальцем нарисовал в воздухе названную фигуру. – Только их, еще недостроенные, пространственно-временная аномалия сожрала. Ходят слухи, будто на месте, где исчезла одна из строящихся станций, был обнаружен бумажный – прикинь только, бумажный! – еженедельник, помеченный аж две тысячи девятым годом. Тогда еще ни Галактической Федерации, ни Союза Шести Планет не было.

– Люди тогда еще дальше Солнечной системы не летали, – вставил Дик-33.

– А что с кораблями?

– На самом деле корабли не пропадали, а были уничтожены.

– Вот как?

– Да, вот так. Про трангов слышал, наверное?

Дик-33 усмехнулся и головой покачал.

– Я скорее в пространственно-временную аномалию поверю, чем в каких-то там трангов.

– А это уж как тебе будет угодно. Верить ты в них или нет – трангам все равно.

– Кто такие транги? – спросил Ут-Ташан.

– Транги – негуманоидные разумные существа... Они на людей не похожи.

– Это я понимать, – с умным видом кивнул Ут-Ташан.

– Транги похожи на большие железные ящики, – Дик-18 пошире раскинул руки в стороны. – Передвигаются они на гусеничной или колесной тяге. Как машины.

– Машин не знать, – покачал головой Ут-Ташан. – А про движущийся железный ящик слышать.

– Не слушай его, Ут-Ташан, – махнул рукой Дик-33. – Нет никаких трангов.

– Почему нет? – пожал плечами Ут-Ташан. – Есть. Они к нам приходят. Ползатъ туда, сюда, из сторона в сторона. Чего искать – не знать. Мы их уймарах называть. Уймарах ползатъ,

ползать, туда, сюда. Из сторона в сторону. Потом снова уходить. Зачем приходиться? – Ут-Ташан пожал плечами. – Не знать.

– Ты сам их видел?

– Видел, – уверенно кивнул Ут-Ташан. – Много-много раз видел. Уймарах Ут-Ташана с собой брать.

– Куда брать?

– Туда, – махнул рукой куда-то в сторону Ут-Ташан. – Брать, потом назад привозить. Плохо не делать. А зачем – не понимать.

– Это несерьезно, – не то усмехнулся, не то поморщился Дик-33. – Верить местным сказкам...

– Разве не странно то, что в разных концах галактики рассказывают одни и те же истории про самодвижущиеся металлические ящики, появляющиеся неведь откуда, неизвестно куда исчезающие и уничтожающие на своем пути все живое?

– Стереотипность мышления, – отмахнулся Дик-33.

– А я слышал, что транги – это космические странники, использующие для перемещения принцип червоточин, – сказал Дик-7.

– А кровь младенцев они, часом, не пьют? – ехидно поинтересовался Дик-33. – Да и вообще, с чего мы вдруг про трангов заговорили?

– Никто не знает будущее, – не оборачиваясь, покачал головой Ут-Ташан. – Может, уймарах завтра снова приходиться. А? Что тогда делать?

– Вот когда придут, тогда и решим, что с ними делать, – буркнул в ответ Дик-33.

Ему надоел этот разговор, в котором ни одна из сторон не имела шанса привести решающий аргумент, ставящий все на свои места. В конце концов, какая разница...

– Почему мы все трое сразу вспомнили о трангах? – озадаченно хмыкнул Дик-7.

– Потому что всякая чушь легче всего всплывает из глубин памяти, – не задумываясь, ответил Дик-33.

– Правильно говорить, – одобрительно кивнул Ут-Ташан. – Для того чтобы знать, надо не думать.

– Это как же так? – удивился Дик-18.

Ут-Ташан сосредоточенно наморщил лоб, пожевал узкие губы и, с досадой махнув копьём, срубил острием наконечника большое белое соцветие с росшего неподалеку куста.

– Не могу сказать. Приходить домой – шамана спросить. Он лучше меня говорить.

– Ты так и не рассказал, как в вашем селении появились люди, – напомнил Дик-33.

– Как, как... – дернул плечом Ут-Ташан. – Охотник находить. Охотник лес шел, шел, видит – люди. Шибко плохие все. Позвать других охотник, привели их домой. Шаман их лечить. Но все равно помирать много. Один оставаться.

– Сколько их было?

– Столько. – Ут-Ташан показал сначала растопыренную пятерню, затем отставленный в сторону большой палец.

– Давно это случилось?

– Давно, недавно, – желтокожий пожал плечами. – Спроси у шамана, он, может, знает.

– Вы не считаете время? – удивился Дик-33.

– Шаман, может, и считать, – беззаботно махнул копьём Ут-Ташан. – А мне зачем?

– Мне такой подход нравится, – улыбнулся Дик-18. – Живешь и не знаешь, сколько тебе лет, когда пора жениться, когда – помирать. Время течет, как река, а ты плывешь по ней, в свое удовольствие.

– Нет, – покачал головой Ут-Ташан. – Ты сидеть на берег и смотреть на река, что течь мимо.

Дик-18 хотел было что-то сказать, но вдруг схватился обеими руками за живот и согнулся пополам. Его повело в сторону, ноги заплелись, и он непременно бы упал, если бы шедший слева воин не подхватил его под локоть. Дик-18 сделал аборигену знак рукой – нормально! Со мной все в порядке! – и, едва тот отпустил его локоть, рухнул на колени.

– Что с тобой? – Дик-33 был не на шутку встревожен.

Вид у его спутника был такой, будто он дух собирается испустить. Тело Дика-18 сотрясла судорога, после чего его вырвало.

Рвало его мучительно и долго. Он едва успевал сделать вздох, как его вновь скручивал приступ рвоты.

Ут-Ташан что-то крикнул одному из своих людей. Тот воткнул копье в землю и подбежал к корчащемуся Дику-18. На бегу он вытащил из-за пояса кожаный кошель. Ут-Ташан выхватил кошель у воина из руки и достал из него два небольших, продолговатых листа, еще зеленых, недавно сорванных с дерева или куста. Опустившись на одно колено рядом с Диком-18, абориген схватил его за плечо.

– Есть! – протянул он ему листья, что держал в руке. – Надо есть!

Дик-18 с отвращением помотал головой.

Ут-Ташан, долго не церемонясь, схватил Дика-18 за волосы и силой заставил запрокинуть голову. После чего затолкнул ему в рот смятые листья.

– Есть! – приказал он, придерживая нижнюю челюсть Дика-18, чтобы тот не смог выплюнуть листья. – Есть, я говорить!

Морщась, корчась и давясь, Дик-18 принялся жевать листья.

Лишь убедившись в том, что он не собирается их выплевывать, Ут-Ташан отпустил Дика-18.

– Плохо, – сказал он голосом опытного врача, поставившего диагноз пациенту. – Много мяса кушать. Теперь живот болеть.

Тело человека еще раз содрогнулось от приступа тошноты. Но теперь Дику-18 удалось подавить рвотный спазм. Или, может быть, у него уже просто ничего не осталось в желудке. Тяжко охнув, Дик-18 повалился на бок.

Ут-Ташан вытер руки о траву, достал из кошелька еще два листика и протянул их Дику-33.

– Ты тоже есть. Чтобы живот не болеть.

Дик-33 положил листья в рот и стал жевать. Он ожидал, что вкус у листьев будет отвратительный. Но все оказалось совсем не так – терпкий, чуть кисловатый сок даже неприятным трудно было назвать.

– Шаман эти листья тем, что с нами жить, давал. У них тоже живот шибко болеть, – сказал Ут-Ташан. И, видно, имея какое-то свое, весьма специфическое понятия о деликатности, добавил: – Только они все равно помирать.

Абориген протянул два листика Дику-7.

– Нет, я мяса не ел, – испуганно затряс головой парнишка.

– Все равно, есть. – Ут-Ташан, как маленькому, сунул ему листья в рот. – Потом хорошо быть. Мясо будешь кушать. Потом.

Дик-33 присел на корточки рядом с Диком-18 и положил руку ему на плечо.

– Ну, как ты?

– Нормально, – сделав над собой усилие, Дик-18 сел. Обхватил голову руками. – Видно, не врал сержант, когда говорил, что кроме пищевой смеси нам больше ничего жрать нельзя.

– Ну, во-первых, со мной, как видишь, пока все в порядке.

– Пока! – поднял палец Дик-18.

Дик-33 сделал вид, что не услышал его.

– Во-вторых, мы уже полгода на пищевой смеси сидим. После такого к нормальной пище заново привыкать приходится. И у всех этот процесс протекает по-разному. Ну, а в-третьих, ежели все же окажется, что без пищевой смеси нам никак, я уверен, ее легко можно изготовить из самых простых, находящихся под рукой продуктов.

– Не на этой планете!

– Не на этой, – согласился Дик-33. – Но мы ведь все равно собираемся отсюда убраться, – он, прищурившись, посмотрел на Дика-18 так, будто тот только что отказался ему долг возвращать. – Или – уже нет?

– Собираемся, – как-то совсем уж невесело кивнул Дик-18.

– Так в чем проблема?

– Проблема в том, – бесцеремонно встрял в разговор, который он внимательно, с интересом слушал, Ут-Ташан. – Что нам идти надо. Понимать?

– Понимать, – опершись на руку, вовремя подставленную Диком-33, Дик-18 поднялся на ноги. – А что, мы куда-то опаздываем?

– Опаздываем, – подтвердил Ут-Ташан. – Шибко опаздываем.

– Куда?

– Нам лес ходить, – острием копья Ут-Ташан указал на зеленую полосу, прикрывающую горизонт. – После того, как Шуфа-Джа, – острие копья обратилось к небу, – второй солнце, подниматься, лес ходить нельзя.

– Почему?

– Синий жук шибко злой станет.

– Жук? – решив, что ослышался, переспросил Дик-33.

– Жук, – подтвердил Ут-Ташан. – Синий жук. Очень плохо.

Дик-33 погладил затылок. С одной стороны, казалось странным, что какой-то там шибко злой жук, появляющийся в строго определенное время, мог помешать им войти в лес. С другой стороны, развивать сейчас эту тему не имело смысла. Нужно было делать то, что говорил абориген. Ему-то, в конце концов, виднее, каких жуков следует опасаться.

Ут-Ташан снова порылся в кожаном кошельке, достал из него зеленый листок, свернутый в несколько раз и перетянутый сверху травинкой.

– Идти сюда, – махнул он рукой Дик-18. – Рот открывать.

– Зачем?

– Трава есть. – Ут-Ташан аккуратно развернул сверточек, сложил листок вдвое и тихонько постучал пальцами по краям. – Потом ходить хорошо. Быстро. Понимать?

– Ну, вроде бы. – Дик-18 протянул руку, чтобы забрать у аборигена снадобье.

– Нет, – погрозил ему пальцем Ут-Ташан. – Не давать. Рот открывать.

Всем своим видом старательно изображая недовольство, Дик-18 чуть приоткрыл рот. Ут-Ташан двумя пальцами крепко ухватил его за нижнюю губу, оттянул ее так, что, казалось, губа вот-вот оторвется, и всыпал за губу щепоть серого порошка.

– Не глотать! – не отпуская губу, велел он. – Понимать? Не глотать!

Дик-18 что-то промычал в ответ и попытался изобразить кивок. Ут-Ташан довольно улыбнулся и отпустил губу. Дик-18 тут же прихлопнул рот ладонью, будто боялся, что его снова начнут пичкать неизвестными снадобьями.

– Не глотать! – еще раз погрозил ему пальцем абориген.

– Понял, – не открывая рта, промычал Дик-18.

– Идти, – кивнул Ут-Ташан и, положив копьё на плечо, первым зашагал в сторону леса.

– Ну, как ты? – спросил Дик-33.

– Нормально, – старательно прижимая нижнюю губу к зубам, ответил Дик-18. – Сначала, после того, как проблевался, слабость жуткая накатила. Казалось, вот прямо сейчас завалюсь на бок и издохну, как пес шелудивый. А сейчас вроде ничего, полегчало, – он посмотрел на темно-

синее, будто краской, широкими, грубыми мазками нарисованное небо и громко хохотнул. – Вот это да!.. Облака плывут себе и плывут. И на меня не смотрят.

– Облака?

– Ну, да.

– А раньше они на тебя смотрели?

Дик-18 наклонил голову и сосредоточенно потер пальцами брови.

– Не помню... – Он с надеждой посмотрел на Дика-33. – А должны были?

Дик-18 явно заговаривался. Но при этом бодро шагал вперед. Должно быть, странное плывущее состояние сознания было побочным действием порошка, что дал ему Ут-Ташан.

Вскоре они вошли под полог леса. И сразу будто в сырой полумрак провалились. В борьбе за свет деревья старались поднять свои кроны как можно выше. Густая плотная листва полностью закрывала небо. Внизу же голые стволы, облепленные огромными, уродливыми, похожими на гигантские разноцветные бородавки, растениями-паразитами, оплетали лианы. Земля, покрытая лишь слоем гниющей листвы, была настолько пропитана водой, что нога проваливалась в нее едва не по щиколотку. С разных сторон доносились влажные, будто растекающиеся в воздухе, шлепки падающих капель. Струйки воды стекали по стволам деревьев, по змеиному извиваясь меж неровностей коры. Вода сочилась из трещин на глянцевой, зеленовато-коричневой коже лиан. Вода была повсюду. Сам воздух был напоен влагой.

Глянув в сторону, Дик-33 обратил внимание на то, что плотный покров гниющей листвы на земле местами то приподнимается, то вновь опадает. Казалось, земля дышит.

– Что это? – указав на одно из таких мест, спросил Дик-33 у следовавшего рядом с ним аборигена.

Тот страшно вытаращил глаза, сказал несколько слов на своем языке и, будто плетью, взмахнул рукой.

– Там плохой место, – обернувшись, сказал Ут-Ташан. – Зверь жить. Большой... Длинный. Кусаться больно.

– Змея?

– Не знать, – пожал плечами Ут-Ташан. – Мы его кохей-капша называть... Кохей-капша хорошо, однако.

– Почему это? – удивился Дик-33.

– Не кусаться, если на него не наступать. Синий жук – плохо. Синий жук маленький. Такой. – Ут-Ташан показал первый сустав мизинца. – Но его много. Так много, что деревья не видеть.

– А откуда появляются синие жуки?

– Там сидеть. – Ут-Ташан копьем указал на один из уродливых наростов. – Сидеть, ждать, пока много-много не стать. Выходить, когда второй солнце подниматься.

– Каждый день? – удивился Дик-7.

– Нет, – мотнул головой Ут-Ташан. – Но я день не знать, когда жук выходить. Поэтому надо быстро-быстро лес ходить.

Дик-33 то и дело посматривал на шедшего рядом с ним Дика-18. Тот шагал уверенно, легко и вроде бы чувствовал себя отлично. Вот только глупая улыбка, не сходявшая с его губ, вызывала некоторую тревогу. Он смотрел по сторонам широко распахнутыми глазами и, казалось, пожирал восторженным взглядом все, что видел.

– Ты знаешь, куда мы идем? – спросил его Дик-33.

Просто так. На всякий случай. Чтобы быть уверенным, что Дик-18 еще не окончательно выпал из реальности.

Не глядя на задавшего вопрос спутника, Дик-18 молча кивнул.

И – все.

– Может быть, повернем назад? – задал провокационный вопрос Дик-33.

Дик-18 вновь даже не покосился в его сторону.

– Не стоит, – сказал он.

И вдруг медленно, плавно вознес руки над головой. Будто очертил вокруг себя невидимый круг.

Абориген, шедший по левую руку от Дика-18, что-то сказал, обращаясь к Ут-Ташану.

– Оставь, оставь, – обернувшись, рукой замахал на Дика-33 сын вождя. – Ходить – хорошо, думать – плохо.

– И долго он будет так плохо думать? – насторожился Дик-33.

– Нет, – ответил Ут-Ташан.

И – все. Что должно было означать это «нет» – поди угадай.

Дик-33 отметил, что уже не в первый раз он пытается и не может получить от сына вождя более или менее вразумительный ответ о том или ином отрезке времени. Видимо, аборигены не имели даже самой примитивной системы измерения времени. Наверное, им это было не нужно. А, может быть, они просто не видели в этом смысла. В самом деле, зачем считать дни в мире, где на землю никогда не спускается ночь? И, кто знает, может быть, они были гораздо счастливее тех, кто считал секунды, постоянно куда-то спешил и непременно опаздывал.

Присмотревшись повнимательнее, Дик-33 начал примечать и других обитателей влажного, тропического леса. Высоко наверху, в кронах деревьев сипло кричали и перелетали с ветки на ветку большие птицы с ярким оперением. Ниже, по лианам, бегали хвостатые зверьки, быстрые и верткие. Похожие не то на лемуров, не то на ящериц. Рассмотреть их как следует не удавалось. Зверьки будто чувствовали устремленный на них взгляд, тут же соскальзывали по лиане на дерево и прятались среди уродливых наростов.

Около часа Ут-Ташан вел отряд через джунгли. Временами он начинал напевать какую-то песню, а воины, следовавшие позади него, в нужных местах подпевали и прихлопывали ладонями по голым бедрам. Простая и однообразная, непривычная для слуха человека мелодия на удивление органично вписывалась в картину окружающего мира. Казалось, плыла, петляя, между стволами, цеплялась за лианы, иногда подпрыгивала вверх, словно хотела дотянуться до зеленых ветвей, и тут же падала вниз, терялась среди палой листвы.

В какой-то момент Дик-33 ощутил, как к наполнявшим джунгли запахам гнили и прелой листвы начал примешиваться неприятный серный привкус. Ут-Ташан, видимо, тоже почувствовавший новый запах, а, может, по какой другой причине, резко свернул в сторону.

– Что там? – спросил Дик-33, указав в сторону, куда они шли прежде.

– Плохая дорога, – ответил абориген. – Нельзя ходить.

– Почему?

– Вода... – Ут-Ташан пошевелил пальцами, будто что-то помял. – Грязь... – он явно не находил нужного слова.

– Болото, – подсказал Дик-33.

– Понимать, – кивнул Ут-Ташан. – Болото. Много воды и грязи.

Вскоре в просвете между стволами показалось небо. Отряд вышел из джунглей и оказался в саванне, заросшей высокой сухой травой, поднимающейся местами выше пояса и колыхающейся, будто волны желтого океана. То там, то здесь однообразие заросшей травой равнины нарушали невысокие деревья с широкими развесистыми кронами, над которыми непрерывно кружили стайки очень мелких птиц.

Ступив в высокую траву, аборигены затаили совсем другую песню, с резкой, агрессивной мелодией. Воины не выпевали даже, а громко, отрывисто выкрикивали слова. И в такт рваному ритму то и дело широко взмахивали копьями, проводя ими по траве.

– Что они делают? – спросил Дик-33.

– Петь, – ответил Ут-Ташан.

– Песня теперь другая.

– Так, – одобрительно кивнул абориген – ему понравилось, что человек заметил разницу. – Они теперь зверя пугать.

– Зверя? – Дик-7 встревоженно посмотрел по сторонам. – Какого еще зверя?

– Опехашуан.

– Опасный зверь? – тоже насторожился Дик-33.

– Не опасный, – пренебрежительно ухмыльнулся Ут-Ташан. – Но плохой.

– Почему плохой?

– Может прятаться в трава и со спина кусать. – Для наглядности Ут-Ташан похлопал себя по лопатке. – Сильно кусать.

– Так, может, лучше не шуметь? – сказал Дик-18. – Чтобы зверь не знал, где мы?

Дик-33 посмотрел на спутника. Взгляд у того был вполне осмысленный. Да и вещи он говорил здравые.

Однако у Ут-Ташана на сей счет имелось свое мнение. Глянув через плечо на Дика-18, он звонко хлопнул себя ладонью по лбу.

– Плохо думать! Совсем плохо думать! Смотреть! – повел он рукой вокруг. – Трава вокруг много! Опехашуан в трава тоже много прятаться. Как ты узнать, где он? А он сидеть тихо-тихо, ждать, когда ты мимо проходить. Вот тогда он тебя за спину кусать! – резко сжав в кулак растопыренные пальцы, Ут-Ташан изобразил укус. – Сильно кусать! Иногда тот, кого кусать, помирать. Так. Шуметь надо, чтобы опехашуан слышать, бояться и дальше убегать.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Дик-33 у приятеля.

– В порядке, – кивнул тот. – Вроде как ничего и не было.

– Но мясо больше есть не станешь? – улыбнулся Дик-33.

– Чего это вдруг? – упрямо выставил нижнюю челюсть Дик-18. – Непременно стану!.. Да какого греха!.. Не буду же я всю оставшуюся жизнь детским киселем питаться!

– А не боишься?..

– Нет!

– Шаман помогать, – по своей обычной привычке бесцеремонно встрял в разговор Ут-Ташан. – Шаман много всего знать. Хорошо лечить.

– Ну, вот! – радостно улыбнулся Дик-18. – Еще и шаман поможет!

Оптимизма ему не занимать, подумал Дик-33. Или это только показуха? Игра на публику?.. А зачем?

Вскоре впереди показалось что-то, похожее на большие стога сена.

– Приходить! – улыбнулся Ут-Ташан.

Глава 6. День 27-й

Дик-21 перестал мешать раствор в корыте, воткнул лопату в землю, оперся на черенок и посмотрел на стоявшего к нему спиной Дика-33. Через несколько секунд тот обернулся. Дик-21 довольно улыбнулся – он склонялся к мнению, что его взгляд обладает гипнотической силой. На самом деле, Дик-33 обернулся потому, что услышал: его напарник перестал работать.

– Ну, что теперь? – устало поинтересовался Дик-33.

Он уже привык к тому, что Дика-21 порой посещают самые неожиданные идеи, которыми он считает необходимым тотчас же поделиться с тем, кто находился рядом.

– Мы должны взять себе имена! Нормальные, человеческие имена, а не номера, что нам присвоили!

– Нет!

– Почему?

– Чужое имя повлечет за собой ложные воспоминания о том, чего никогда не было. Мы должны стараться вспомнить свои настоящие имена. Только так мы сможем вернуть прошлое.

– Что-то никто еще не вспомнил, – ворчливо заметил Дик-21.

– Прошло меньше месяца.

– А сколько должно пройти?

Дик-33 промолчал. Ответа на этот вопрос не знал ни он, ни кто-либо другой.

– Странно, что мы совершенно не помним свое прошлое. Но при этом не утратили способность говорить, умеем считать и писать...

– Помним историю...

– Кто сейчас возглавляет Союз Шести Планет?

– Дэн Урсенко, два года назад переизбранный на третий срок. Ты что, забыл?

– Нет, просто хотел убедиться, что я это не выдумал.

– Я даже помню, как он выглядит.

– А, – безразлично махнул рукой Дик-21. – Все они на одно лицо – народные герои и национальные лидеры.

– Профессиональные навыки тоже вспоминаются, как только в них возникает необходимость.

– Я не помню, кем был прежде.

– Я тоже. Но, вот ведь, Шестнадцатый вспомнил, как можно сделать цементный раствор.

– Так кем он был? Строителем, химиком или технологом?

– Какая разница. Суть в том, что мы помним все, кроме своей прошлой жизни. И это не похоже на амнезию. Скорее – на избирательное блокирование строго определенных участков памяти.

– Ну, может, оно и к лучшему. – Дик-21 плеснул в корыто с раствором воды из ведра и снова взялся за лопату.

– В каком смысле – правильно? – непонимающе посмотрел на него Дик-33.

– Сам представь, каково бы тебе сейчас было, если бы ты помнил все, чего лишился. А так... Ну, вроде как и не было ничего.

– Было, – уверенно произнес Дик-33.

– Может – было, может – нет. Кому теперь какая разница?

– Ты что, не понимаешь? У нас украли прошлое!

– Ну, давай найдем похитителей и призовем их к ответу, – саркастически усмехнулся Дик-21.

– Считаешь это невозможным?

– Давай по порядку. – Дик-21 зацепил полную лопату раствора и плюхнул его обратно в корыто так, что брызги полетели. – Как все случилось? Нас что, на улице ограбили? Нет! Мы – объекты государственной программы. Понимаешь, что это значит?

– То, что власть сама не ведает, что творит, – предположил Дик-33.

– Нет, – усмехнувшись, покачал головой Дик-21. – Ведать она обо всем ведает. Но ни за что не несет ответственности. Вот так-то. – Плюх! Еще одна лопата цементного раствора. – Государству невозможно предъявить иск. Вернее, можно, но не стоит.

– Почему?

– Потому что оно само же будет его рассматривать. И, честно говоря, я далеко не уверен в том, что оно готово само себя осудить.

– Ты, наверное, был юристом.

– Не знаю. Но вот что я тебе еще скажу. Ты забываешь, что мы – мертвы. А мертвые не вправе подавать иски. Как правило, от их имени выступают живые.

– Ты точно юрист! Крючоктвор грешный!

– И самое главное. – Дик-21 распрямил спину и положил лопату на плечо. – Нам не позволят выбраться с этой планеты. Заметь, я не говорю – живыми.

– Не веришь?

– Конечно, нет.

– И при этом согласился участвовать в плане Восемнадцатого?

– А какой у него план? – Во взгляде Дика-21 не то горечь, не то насмешка. – Ты что-нибудь о нем знаешь, кроме названия? Очень Замечательный План Побега!.. Не впадай в грех самообмана, Тридцать Третий. Восемнадцатый придумал свой план лишь затем, чтобы самому не сойти с ума. Да и нам заодно не дать. Понимаешь? Он делает вид, что у него есть цель. И притворяется, что верит в нее. Поэтому и я притворяюсь, что верю. И ты тоже.

– Я не притворяюсь.

– Тогда – извини. Я думал, у тебя мозги на месте. – Дик-18 воткнул лопату в землю. – Все, готов раствор, потащили.

Они взяли корыто за ручки с двух сторон и поволокли его туда, где Дик-27 учил других складывать стену из камней. Неподалеку от них осуществлялся весьма точный и важный процесс – в большом круглом баке в строго определенных пропорциях смешивались известняк и глина. Рядом в очаге горел огонь, там производился обжиг шлама. Далее полученный клинкер шел на измельчение. В общем, работа кипела, как магма в жерле вулкана. Не при деле оставались только три Дика – Второй, Четырнадцатый и Двадцать Восьмой. Вопреки заверениям сержанта, сознание их так и не обрело ясность. Они даже есть самостоятельно не могли.

– Знаешь, что меня особенно раздражает? – спросил Дик-21. И сам же ответил: – То, что волосы не растут. Ни на голове, ни на лице... Нигде! Волосы не растут, чувства голода не возникает, спать не хочется, солнце не заходит... Такое ощущение, что бесконечно долго тянется один и тот же день, который никогда не закончится. Как, по-твоему, это похоже на безумие?

– По-моему, нет.

– А по каким признакам можно определить, что ты сошел с ума?

Дик-33 ничего не успел ответить – навстречу им выбежал самый молодой из их команды, Дик-7. На вид ему было лет восемнадцать, и, видя его, Дик-33 неизменно ловил себя на мысли – если правда, что все они зомби, какая смерть постигла этого мальчишку?

– Там!.. – всполошенно замахал руками Дик-7. – Помирает!.. Совсем помирает!..

– Успокойся. – Дик-21 кивнул Дик-33, и они поставили корыто на землю. – Говори толком: что случилось? Кто помирает? Где?

– Двадцать Восьмой! Двадцать Восьмой помирает! Там! – Дик-7 махнул рукой в сторону недостроенной стены.

– Что с ним?

– Не знаю! Упал, трясется весь, пена изо рта...

Не дослушав его, Дик-33 сорвался с места.

Дик-21 и Дик-7 быстро переглянулись и побежали следом.

Двое человек старались удержать на земле тело Дика-28, содрогающееся, будто в страшном ознобе. Рядом с безучастным видом сидели Дик-14 и Дик-2. Один перекладывал камни рядом с собой, другой тупо пялился на происходящее.

Бесцеремонно оттолкнув одного из добровольных санитаров, Дик-33 коленом придавил плечо Дика-28 к земле, зажал его голову ладонями и повернул лицом к себе. Рот несчастного был облеплен хлопьями пены, как у загнанного скакуна, глаза закатились так, что были видны только белки в частых сеточках красных прожилок. Дышал он тяжело, прерывисто, со всхлипыванием, как будто на груди у него лежала каменная плита. Кожа Дика-28 была холодной и влажной от пота, при этом пульс на шейной артерии, что прижал пальцем Дик-33, бился как ненормальный.

Дик-33 и сам не понимал, что и зачем он делает. Вернее, не задумываясь над этим, он действовал на автомате. Руки будто сами собой совершали привычные движения. Прежде всего он раскрыл рот Дика-28 и засунул пальцы в горло, чтобы проверить, не забито ли оно рвотными массами. Горло оказалось чистым. Уже хорошо. Дик-33 расстегнул куртку на груди больного – звякнула о камень отлетевшая магнитная застежка.

– Что тут происходит? – спросил, подбежав к остальным, Дик-18.

– Двадцать Восьмой помирает, – объяснил ему Дик-7.

– С чего это вдруг?

– А кто его знает.

Дик-33 прижал руки к ребрам больного, чтобы прочувствовать, как работают легкие. Затем в нескольких местах надавил пальцами на живот.

– Штаны! Помогите снять штаны!

Двое человек быстро стянули с Дика-28 штаны.

Вот оно!

На левой икре несчастного вздувался воспаленный участок размером с детский кулачок. Дик-33 осторожно надавил на него пальцами. Из двух невидимых прежде крошечных отверстий выступили красные кровавые капельки.

– Тысяченок! Эти твари, что спуют в камнях, по-видимому, ядовитые!

Каждый невольно посмотрели себе под ноги.

– И что теперь? – спросил Дик-18.

– С ним? – Дик-33 взглядом указал на голого, жалкого, трясущегося Дика-28. – Я ничем не могу помочь. У меня нет лекарств, нет диагностических приборов, и я понятия не имею, как действует попавший в его кровь яд. Одно из двух: либо организм справится с ядом, и Двадцать Восьмой поправится, либо яд окажется сильнее, и тогда он умрет. Все! – С каким-то безнадежным отчаянием Дик-33 всплеснул руками. – Мы можем только смотреть и ждать, что будет!

– Кажется, рану можно прижечь, – неуверенно сказал кто-то.

– Если только сразу после укуса. Сейчас уже поздно – яд пошел по крови.

– Похоже, дружище, – Дик-21 положил руку на плечо Дика-33, – в прошлом ты был врачом.

– Возможно. – Дик-33 уронил голову на грудь. – Не знаю... Но сейчас я бессилен... Я не знаю, что делать.

– Никто не знает. – Дик-21 похлопал его по плечу. – Зато мы теперь знаем, что тысячеконжки ядовиты. Любой опыт чего-то да стоит.

– Но не человеческой жизни.

– Бывает, что и не одной. – Дик-21 посмотрел на тех, кто стоял рядом. – Как вы думаете, многие ли из нас отметят первую годовщину нашего прибытия на эту планету? Можно было бы принимать ставки, – он криво усмехнулся. – Если бы было что ставить. Я рискну предположить, что не больше половины.

Дик-18 посмотрел на судорожно вздрагивающее тело Дика-28.

– Оптимистический прогноз.

– Так даже?

– Десять человек.

– Уверен?

– Да.

– Ну, что ж, поглядим.

– Нужно, чтобы кто-то присмотрел за Двадцать Восьмым, – сказал Дик-33.

Дик-18 кивнул на двух полуидиотов.

– Вот они и присмотрят.

– Что они могут сделать!

– А что могу сделать я?.. Что ты можешь сделать?

Дик-18 безразлично пожал плечами, повернулся спиной и пошел в сторону очага, в котором обжигали шлам.

Дик-33 догнал его и схватил за руку.

– Это бесчеловечно! Бросить его вот так...

– Я знаю, – меланхолично кивнул Дик-18. – Но такова жизнь.

– А если он умрет?

– От него все равно никакой пользы.

– И ты не будешь испытывать ни малейших угрызений совести?

– С чего бы вдруг?

Подойдя к костру, Дик-18 взял мастерок из рук одного из работников, кончиком подцепил небольшой клинкер с края раскаленного жестяного листа, кинул его на камень и раздавил каблуком. Клинкер рассыпался в пыль.

– Неплохо, – одобрительно кивнул Дик-18, вернул работнику мастерок и пошел дальше.

Дик-33 снова догнал его.

– Двадцать Первый сказал мне...

– Я знаю, что он тебе сказал, – перебил, не дослушав Дик-18. – Мне он тоже это говорил.

– И что?

– Он может думать все, что угодно. Если бы мы были дома, я бы добавил: мы живем в свободной стране.

– А сейчас тебе нечего сказать?

– Сейчас мы на чужой планете.

– И ты собираешься остаться здесь навсегда?

Дик-18 быстро глянул на собеседника, будто хотел убедиться, что он не подсмеивается над ним.

– Мы уже говорили об этом.

– С Двадцать Первым ты тоже говорил.

– Я не могу заставить его верить в то, что ему кажется бредом. Но верит он в это или нет, он готов нам помогать. И это главное. Пусть для него самого это всего лишь игра. Как сам он говорит, способ не сойти с ума.

– Но у тебя есть план?

Дик-18 резко остановился и повернулся к Дику-33.

– Какой план? Ну какой, грех тебя забори, план? Мы тут всего-то восемнадцать дней. О каком, к греху, плане ты говоришь? Ты хочешь, чтобы я его с неба срисовал? Для начала

нам нужно обжиться на этой грешной планете. Понимаешь? Мы должны развязать себе руки, почувствовать себя здесь свободными. Когда мы будем знать об этой планете больше, чем знают наши тюремщики, когда досконально изучим, как работает служба контроля, тогда и только тогда можно будет строить какие-то планы. Понимаешь? А до тех пор мы никто и имя нам Никак. Нам нужен план побега, точно просчитанный от первого до последнего шага. Любая ошибка приведет к тому, что нас уничтожат. Либо будут предприняты такие охранные меры, что отсюда даже мышь не сбежит. Все, что мы сейчас можем, – это демонстрировать свою покорность и желание сотрудничать. Те, кто нас сюда засадил, должны поверить в то, что мы смирились, что нет ни малейших предпосылок к бунту. Понимаешь?..

Дик-33 молча кивнул.

Дик-18 сел на камень.

– А жильё нам действительно необходимо. Не сидеть же вечно возле костра? Чего доброго, с кем-нибудь случится то же самое, что и с Двадцать Восьмым... Кстати, если Двадцать Восьмой помрет, это нам тоже на руку сыграет – можно будет попросить у сержанта что-то из медицинского оборудования, лекарства, перевязочный материал... И двух оставшихся недоумков пусть заберут...

Пока говорил Дик-18, Тридцать Третий молчал. И вдруг – выдал.

– Нам нужна своя религия.

Фраза прозвучала настолько не в тему, что Дик-18 поначалу даже не понял, о чем речь, и растерянно переспросил:

– Что нам нужно?

– Нам нужна религия, – повторил Дик-33. И сразу задал вопрос: – Что проповедует любая религия?

– Веру в бога, – ответил Дик-18, все еще не понимая, к чему Дик-33 вплел в разговор эту тему.

– Нет, – улыбнувшись лукаво, покачал головой Дик-33. – Бог – это главный религиозный символ. И одновременно самый весомый аргумент в доказательстве правоты религиозной догмы. А проповедует религия смирение и покорность. Кому уготовано царство божье? Сирым, нищим и убогим. Легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богачу попасть в рай. В нашем случае это сработает на сто десять процентов. Мы умерли, и место, где мы сейчас находимся, – это Чистилище. Дабы не оказаться в Аду, мы должны проглотить свою гордыню и честным трудом, аскезой и смирением искупить те грехи, что совершили при жизни.

– Гениально! – восторженным полусшепотом произнес Дик-33. – Какую религию мы будем исповедовать?

– Предлагаю избрать неосектантство. Скажем, одному из нас было видение. Некий пророк провозгласил начало новой веры. При таком раскладе мы можем гнать любую дурь, и нас невозможно будет поймать на неточностях и противоречиях. Пусть нас считают идиотами – нам это только на руку.

– А тысяченожка укусила Двадцать Восьмого после того, как он надругался над одной из наших святынь!

– У нас еще нет святынь.

– Будут!

Дик-18 рывком поднялся на ноги и хозяйским взглядом окинул унылые окрестности. Работа не сказать чтобы кипела, но при этом и без дела никто не слонялся. Помимо трех идиотов, один из которых, похоже, уже отдал богу душу. Какому именно богу? Над этим стоило подумать.

Глава 7. День 31-й

Хрустнув, словно печенье, разломился камень под опорой посадочного модуля.

Не дожидаясь трапа, из открывшегося люка выпрыгнул сержант. Привычным движением одернув форменную куртку, он расправил плечи, заложил руки за спину и посмотрел на сгрудившихся неподалеку зомби-колонистов.

Будто стадо овец, право слово.

– Ну, и как вы тут?

– Молитвой и постом искупаем грехи наши тяжкие, господин сержант, – протяжно прогнусавил один из Диков.

Сержант сдвинул брови и, дабы скрыть недоумение, потянул вниз козырек форменной кепи.

– Господин сержант, как долетели? – бодрым голосом поинтересовался Дик-21.

– Тебе что за дело? – недовольно буркнул военный.

– Господин сержант! – восторженно выкрикнул Дик-30. – Мы просили Святого Норбита быть милосердным к вам!

Сержант снял кепи, медленно, аккуратно сложил ее, сунул за пояс и обеими ладонями провел по коротко остриженным волосам. Ото лба к затылку. Набычился.

– Так, значит?

Он и сам не знал, что хотел этим сказать. Но и промолчать не мог. Не в его это было правилах. Ему еще в учебке вколотили в башку: если не знаешь, что ответить, то либо с каменной рожей говори первое, что придет в голову, либо – кулаком в морду. На этот раз кулак в дело не пошел, поскольку колонисты стояли далековато. Да и кулак не хотелось марать.

Следом за сержантом, но уже по трапу, из модуля вышли двое солдат и врач.

– Разгружайте! – скомандовал сержант.

Солдаты встали по краям от трапа. Один из них приложил указательный палец к мочке уха и что-то негромко произнес в ладонь. Из чрева модуля, как яйца из курицы-несушки, посыпались синие пластиковые ящики. Пищевая смесь.

– Ну, как, все целы? – жизнерадостно улыбаясь, обратился к наблюдающим за разгрузкой колонистам врач.

– Двадцать Восьмого Святой Норбит прибрал.

– Кто?

– Святой Норбит, небесный покровитель нашей колонии.

Врач недоуменно посмотрел на сержанта.

Сержант едва заметно ухмыльнулся.

Док открыл было рот, собираясь что-то сказать, но сержант знаком велел ему молчать – недопустимо, чтобы подчиненные возомнили, будто ты не в курсе чего-то, о чем им самим известно. У них еще будет время разобраться с этим Святым Норбитом. Сержант почему-то сразу решил, что это кличка, которую взял себе один из колонистов. А, следовательно, речь идет об убийстве. Собственно, в этом не было ничего необычного. Такое и прежде случалось в других колониях. Но разобраться с этим необходимо. А уж наказать или поощрить убийцу – будет видно по ситуации.

– Где Двадцать Восьмой?

Колонисты расступились. Сержант с доком увидели синий пластиковый ящик из-под пищевой смеси.

Сержант поднял руку так, чтобы все хорошо рассмотрели стоппер, что висел у него на пальце, а затем жестом велел колонистам отойти подальше. Люди в сером неохотно попятись. Толкаясь плечами, наступая друг другу на ноги.

Сержант подошел к ящику и ногой сбил с него крышку. Свернувшись, будто зародыш, в ящике лежал мертвец. Кожа его казалась синеватой. Должно быть, из-за цвета ящика.

– Что скажешь, док?

– Определенно могу сказать лишь одно – этот человек мертв. – Врач ушипнул себя за острый подбородок. – Да! Мертв всерьез и надолго.

– В смысле, навсегда? – Сержант крутанул на пальце стоппер.

– Ну да, – кивнул врач. – Можно его похоронить.

– Сначала извлеки все чипы и имплантаты.

– Вы понимаете, что говорите, сержант? – с ужасом посмотрел на военного док. – Для этого придется разрезать труп на кусочки.

– И что с того? Снова собирать их вместе уже не потребуется. Сложишь то, что останется, в этот же ящик.

– Я не о том! Вы заблуждаетесь, если считаете, что произвести вскрытие тела – это пара пустяков!

– Возьми себе помощников. – Сержант перешагнул через ящик с мертвым колонистом и не спеша направился в обход барака. – Одного, двух, трех – сколько потребуется. Устройства, которыми нашпигованы тела колонистов, являются государственной собственностью, за которую я несу ответственность.

– Вряд ли у кого-то из колонистов имеется необходимая квалификация!

– Зато энтузиазма – хоть отбавляй, – обогнув угол барака, сержант остановился.

Ноги широко расставлены, руки – кулаками в бока.

В ста метрах от барака возвышалась сложенная из камней стена высотой в полтора человеческих роста и длиной метров в девять.

– Невероятно! – вне себя от изумления, произнес врач. – Откуда она взялась?

– Полагаю, к этому чуду приложили руки наши подопечные, – сержант покосился на молча ожидавших в сторонке колонистов.

– Но – как?.. Всего за месяц, имея лишь примитивные инструменты...

– Понятия не имею. Но то, что я вижу, мне нравится. Определенно, в этой группе оказался талантливый организатор. И если это тот самый Святой Норбит, о котором мы уже слышали, я готов простить ему убийство... Да нет же, что я говорю – я его уже простил!

Сержант помахал колонистам рукой.

– Но это не просто стена из камней! – не унимался док. – Камни скреплены цементом!

– Я вижу.

– Откуда у них цемент?

– Не знаю. Но думаю скоро узнать... Эй, вы! – обратился он к колонистам. – Кто тут у вас старший?

Колонисты начали переглядываться, шептаться, толкать друг друга локтями.

– Ну?! – Сержант нетерпеливо крутанул стоппер на пальце и поймал его в кулак.

– Вы, господин сержант! – ответил Дик-21.

– Хорошо, – не стал спорить сержант. – Тогда ты, Двадцать Первый, выдели людей, чтобы оттащили ящики со жратвой подальше от модуля. Двое других пусть занесут ящик с мертвецом в барак. А потом в порядке очереди по личным номерам все на прием к врачу. Ясно?

– Да, господин сержант!

– Отлично... Хочешь что-то сказать, док?

– Не сейчас.

– Займешься делом?

– Конечно.

– Первый! – Сержант щелкнул пальцами и поднял вверх указательный. – На прием! Шагом марш! Живо! Второй – готовится!.. Двадцать первый! Я что, должен все за тебя делать!

– Извините, господин сержант!

Дик-21 начал суетливо распределять обязанности.

– Господин сержант! – поднял руку Дик-18. – У нас есть несколько вопросов!

– Потом, – немного раздраженно махнул рукой военный. – Еще будет время...

Еще одно правило – не давать никаких конкретных обещаний. Все ответы – только в самом общем виде. Неопределенность – залог спокойствия и благополучия в будущем. В недалеком будущем. Потому что отдаленная перспектива мало кого интересует. Так говорил лейтенант, командовавший взводом, с которым сержант совершал свою первую боевую высадку на Тейнер-7. Потом, в болотах Тейнера, лейтенант погиб от отравленной колючки, выпущенной из духовой трубки шестипалым аборигеном... Интересно, что бы он сказал сейчас, узнав, чем занимается его бывший подчиненный?.. Впрочем, сержанту было все равно. После Тейнера-7 он еще много где побывал. И на Арктусе, и в Элийском котле... Хлебнул лиха почем зря. Теперь он сам себе командир и сам себе голова. Поди, плохо? Да о такой службе можно только мечтать!

Врач приложил палец к тактилоскопическому замку. Дверь плавно откатилась в сторону. В кабинете включился свет и заработал климатизатор. Док положил на стол серебристый чемоданчик, что держал в руке. Сам сел на стул. Ему хотелось уснуть. Забыться и уснуть. Бессонница изнуряла его с того самого дня, как он впервые побывал на этой грешной планете. Почему? Он и сам не мог объяснить. Его не мучила совесть. Он не испытывал стыда за то, что делал. Напротив, он считал правильным и нужным то, чем занимался. А спать по ночам все равно не мог.

– Разрешите, господин доктор? – В приоткрытую дверь заглянул колонист с лицом плоским, как противень.

На нем, казалось, не было ни носа, ни подбородка, ни скул, только глаза, похожие на смотровые щели.

– Первый?

– Да, господин доктор.

Док знаком велел колонисту войти, щелкнул замками чемоданчика. И вдруг замер. Голова опущена, будто он все еще что-то ищет в чемоданчике. Но взгляд скошен на колониста. Что он собирается делать?

С запоздалым смятением док понял, что сержант остался на улице. А с ним и стоппер, который может остановить колониста-зомби, ежели сие потребуется. Без стоппера врач был беззащитен. У него не было никакого, даже самого простого оружия. И, если вдруг зомби-колонист набросится на него...

Дик-1 вошел в помещение.

Дверь за его спиной плавно закрылась.

Плотно.

Наверное, даже если закричать, снаружи никто не услышит.

Врач и мертвец, вернувшийся к жизни благодаря усилиям выдающихся ученых и медиков Союза Шести Планет, остались один на один.

Док защелкнул чемоданчик и поставил его вертикально перед собой – все ж какая-никакая, а преграда. На случай, если зомби бросится на него.

Но колонист, похоже, не вынашивал никаких кровожадных планов. Он стоял возле двери, переминался с ноги на ногу и с интересом поглядывал по сторонам.

Он не помнит комнату, где был возвращен к жизни, догадался врач.

Почему-то именно после этого он почувствовал себя увереннее.

– Присаживайтесь, – док взглядом указал на стул по другую сторону стола.

Колонист осторожно сел на краешек и опустил взгляд. Как будто ему было интересно рассматривать свои коленки.

Врач достал из чемоданчика коммуникатор. Который никогда не носил на руке. Его выводило из себя само осознание того, что в любой момент кто-то может легко и бесцеремонно ворваться в его жизнь, смешать и разрушить все его планы, а то еще и начать отдавать приказы. Тот, кто изобрел коммуникатор, был либо мазохистом, либо законченным мизантропом. Одно из двух. А то и два в одном.

Док коснулся пальцем иконки активации коммуникатора, затем выбрал из списка код вызова сержанта.

– У меня первый посетитель.

– Да? Ну, и как он?

Сержант дурачился или действительно не понимал, зачем док связался с ним?

Врач бросил быстрый взгляд на колониста. Дик-1 сидел на стуле, не касаясь спинки, и, наклонив голову, смотрел на сложенные на коленях руки. Казалось, он не слышал голос врача, когда тот обращался не к нему. Что это, с профессиональным интересом подумал врач, фрагментарная особенность сохранившейся личности или результат комплексного взаимодействия нейрочипов?

– Все в порядке. И все же...

– Да, понял, док, уже иду.

Сержант отключил связь.

Док выключил коммуникатор и кинул его в чемоданчик.

– Есть жалобы? – профессионально-будничным голосом поинтересовался он у колониста.

Дик-1 приподнял голову и посмотрел на дока.

– Я могу быть откровенен? – спросил он полусшепотом.

– Конечно, – кивнул док. – Я ведь врач.

– Я не помню своего прошлого.

– Это нормально.

– Вы так полагаете?

– Я уверен в этом.

– Ну, не знаю, – с сомнением качнул головой колонист. – Мне так не кажется.

Док отодвинул чемоданчик на край стола, положил руки перед собой и сцепил их в замок.

– Разве сержант не говорил вам, что вы теперь собой представляете?

– Ну, говорил, – уныло кивнул Дик-1. – А все равно...

– Вы не можете смириться с тем, что уже умерли? – с пониманием улыбнулся док.

– А, да нет, – махнул рукой Дик-1. – Это все как-то прижилось, хвала Святому Норбиту.

А вот почему исчезли воспоминания?

– Минуточку! – Врач поднял руку. – Вы упомянули Святого Норбита.

– А, ну да.

– Кто это такой?

– Небесный покровитель нашей колонии.

– Простите, я далек от религии...

– Я тоже был далек, пока сюда не угодил. Знаете, господин доктор, когда ты мертв и в то же время жив, невольно начинаешь думать о потустороннем мире.

– Ну, какой еще потусторонний мир, – недовольно поморщился док. – Все, что с вами произошло, – это голая наука!

– Для вас, может, и наука, – не стал спорить Дик-1.

Открылась дверь, и в комнату вошел сержант.

– Ну как, дело движется?

– Все в порядке. – Док вынул из чемоданчика пневматический инъектор и вставил в него картридж с иммуностимулятором. – Давайте руку, – обратился он к колонисту.

– Так как все же насчет воспоминаний, господин доктор? – спросил Дик-1, закатывая рукав.

– У вас больше нет прошлого, а значит, нет и воспоминаний о нем, – быстрой скороговоркой проговорил док и ввел колонисту иммуностимулятор. – Готово. Зовите следующего.

– Я узнал, что на строительство стены колонистов вдохновил Святой Норбит, – сообщил сержант, как только дверь за колонистом закрылась. – И это не один из них, а некое астральное существо. Стена символизирует границу между старой и новой жизнью.

– Первый сказал, что Святой Норбит – это небесный покровитель их колонии.

– А вообще-то, есть такой святой?

– Не знаю.

– Ну, так загляни во «всемирку».

Врач достал из чемоданчика элнот, включил, зашел в раздел «Религия» и задал параметры поиска.

– Нет, – сообщил он через несколько секунд. – Ничего похожего.

– Что же, они сами его придумали?

– Можно? – заглянул в приоткрытую дверь Дик-2.

– Можно Машку за ляжку! – гневно рыкнул на него сержант.

Лицо колониста недоумевающе вытянулось.

– Есть хорошее слово «разрешите», – уже спокойно прокомментировал свою реплику сержант.

– Разрешите? – преданно посмотрел на него колонист.

Сержант сделал приглашающий жест рукой.

И сходу, в лоб, задал интересующий его вопрос:

– Кто такой Святой Норбит?

– Небесный покровитель нашей колонии, – не задумываясь, отчеканил Дик-2.

– Где он сейчас?

– Полагаю, что на небе.

– На небе?

– Это образное выражение, – позволил себе улыбнуться Дик-2. – Говоря так, я не имею в виду, что Святой Норбит витает где-то в стратосфере. Под словом «небо» некоторые подразумевают так называемый Верхний мир, где живут боги и окружающие их высшие существа. Но я склоняюсь к мысли, что Святой Норбит – это аватар некоего существа из параллельного мира. – Заметив, что сержант скривился, как от зубной боли, Дик-2 почувствовал неловкость. – Простите, я не собирался читать вам лекцию...

– Ты сам видел этого Святого Норбита? – не дослушав, перебил сержант.

– Нет, Святой Норбит является только Двадцать Второму. Он видел его уже дважды и даже разговаривал с ним.

– И что он ему сказал?

– Кто кому?

– Святой Норбит Двадцать Второму.

– А, он сказал, что будет покровительствовать нашей колонии.

– Подробнее.

– Ну, не знаю, – смущенно пожал плечами Дик-2. – Я так понимаю, он теперь будет приглядывать за нами. А когда придет время, замолвит за нас словечко. Если, конечно, мы будем того достойны.

– Вот об этом – еще подробнее.

– Я даже не знаю, – пуше прежнего замялся Дик-2. – Вам бы лучше с Двадцать Вторым поговорить. Так сказать, информация из первых рук...

– До него дойдет очередь. А что ты думаешь об этом святом покровителе?

– Я вообще-то не религиозен, как и большинство здравомыслящих людей. Поэтому в явлении Святого Норбита я вижу некий аллегорический смысл. Он как бы воплотил в себе все наши надежды и чаяния. Мы все знаем, что уже мертвы. Что сейчас у нас нет будущего. А в будущем – никаких перспектив. Мы, если можно так выразиться, отработанный материал. Вторсырье, которое рачительный хозяин не выбросил, а пустил в переработку. Святой Норбит явился за тем, чтобы вдохнуть в нас надежду. И уверенность в том, что жизнь не заканчивается со смертью...

– Оп-па! – Сержант посмотрел на врача.

– А чему тут удивляться? – пожал плечами тот. – Вот, – кивнул он на колониста, – живое, если можно так сказать, подтверждение того, что жизнь после смерти существует.

– Я бы не стал называть это жизнью, – кисло скривился военный. – По целому ряду причин. В первую очередь – по организационным... Так что там насчет гостей из параллельного мира?

– Ну, если в двух словах, то жизнь не заканчивается со смертью, а переходит в иное качество. На новый уровень, если можно так выразиться. Человеческая сущность обретает новую форму и переселяется в другой мир. Святой Норбит говорит, что это не противоречит основополагающим законам квантовой физики...

– Он-то откуда это знает? – не сдержавшись, снова перебил колониста сержант.

– Святой Норбит сам когда-то был человеком.

– Понятно, – кивнул военный. – Не знаю, как ты, док, а я уже сыт этим бредом.

– Нет-нет, пусть продолжает! – запротестовал врач.

Сержант с безразличным видом сложил руки на груди, вытянул ноги и уперся подбородком в грудь, как будто собрался вздремнуть.

– Если я вас правильно понял, Святой Норбит явился из мира, в который люди попадают после смерти?

– Не все и не всегда. Для того чтобы оказаться там, нужно попасть в число достойных.

– И Святой Норбит?..

– Святой Норбит дал нам понять, что мы-то как раз из числа недостойных. И на этой планете мы для того, чтобы пройти до конца путь духовного самосовершенствования, которым пренебрегли при жизни. И, как только мы достигнем соответствующего уровня, Святой Норбит укажет нам путь к новой жизни.

– Гениально! – Врач развел руки в стороны, будто собирался схватить что-то очень большое. – Вы слышали, сержант? Они придумали для себя мотивацию! И объяснили все то, что мы им не стали рассказывать! Интересно, это коллективное творчество или чье-то соло, подхваченное остальными?

– Нам-то что? – не поднимая голову, буркнул военный.

– Как это – что? Да на эту тему можно диссертацию защитить!.. Пять диссертаций!

– Кто тебе это позволит?

– Я – в принципе.

– А, в принципе... Знаешь что, док, – сержант пальцем приподнял козырек форменного кепи и посмотрел на врача, – занимайся-ка лучше своим делом. Делай прививки и... Ну, в общем, сам знаешь. А иначе мы тут на несколько дней застрянем.

– Вы не поняли... – Док жестом подозвал к себе колониста и велел засучить рукав. – Сейчас я объясню...

Он быстро сделал инъекцию.

– Жалобы есть?

– Нет.

– Что, вообще никаких?

– Никаких.

– Вам здесь хорошо живется?
– Замечательно.
– И не гложет тоска по прошлой жизни?
– Нет. – Дик-2 наморщил нос и почесал щеку. – Наверное, в моей прошлой жизни не было ничего хорошего... Ничего, что хотелось бы вспомнить.
– Хорошо, идите, – кивнул врач. – И позовите следующего.
Едва только дверь за колонистом закрылась, доктор вскочил на ноги.
– Вы понимаете, что здесь происходит? – Не в силах сдержать возбуждение, врач едва не подпрыгивал на месте. – Эти несчастные сами придумали то, что должны были сделать для них мы!..

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул следующий колонист.

– Разрешите?

– Номер! – рявкнул на него сержант.

– Что?..

– Твой индивидуальный номер, debil!

– А... Дик-Третий.

– Позови Двадцать Второго! – повелительно взмахнул рукой врач. – Живо!

Колонист скрылся. Дверь захлопнулось.

– Ну, так о чем ты? – выжидающе посмотрел на врача сержант.

– Колонисты придумали объяснение тому, что с ними происходит. И, за неимением лучшего, завернули его в религиозный фантик. Религия всегда выползает там, где не хватает знаний. Наши же подопечные потеряли главное, что дает человеку опору в жизни, – надежду на завтрашний день. Но с появлением Святого Норбита новое существование обрело для них смысл! Эта планета превратилась для них в тамбур между прежней жизнью, которую уже не вернешь, и жизнью будущей, в которую им остается только верить. Понимаете?

– Ну, в общем...

Сержант помахал в воздухе растопыренной пятерней.

– Вы сами видели – они за месяц научились делать цемент и построили стену!

– А что с нее толку? Они должны были жилье для себя строить.

– Да какая разница! Мы должны не пресекать, а поддерживать в колонистах веру в Святого Норбита! Они работают не за страх остаться без еды, а ради спасения своих бессмертных существ! А, значит, им и в голову не придет устраивать беспорядки... Понимаете, о чем я?

– Понимаю. – Сержант поднялся на ноги и заложил руки за спину. – Я все прекрасно понимаю, док. Меня смущает лишь одно. Правильно ли мы поступим, если станем поддерживать новый религиозный культ, в то время как наше государство стоит на твердых атеистических позициях?

– В соответствии с действующей Конституцией, граждане Союза Шести Планет имеют право исповедовать любую религию.

– Не афишируя этого, не пропагандируя и никак не связывая это с исполнением своих служебных обязанностей. А у нас группа колонистов свихнулась на религиозной почве. И это, скажу я тебе, док, нехорошо. Очень нехорошо!

– Грешное пламя! – всплеснул руками док. – О ком мы говорим, сержант? Это же живые мертвецы! Группа смертников, приговоренных к жизни! Их вера в Святого Норбита умрет вместе с ними. Но до тех пор она будет работать на нас. Фанатиками управлять проще, чем думающими людьми.

По всей видимости, последний довод оказался самым весомым. Сержант прошелся по комнате, несколько раз кивнул, как бы в задумчивости, провел пальцами по подбородку, словно проверяя, насколько хорошо он выбрит...

В приоткрытую дверь заглянул Дик-22.

- Разрешите войти?
Сержант остановился и внимательно посмотрел на колониста.
- Так это ты видел Святого Норбита?
– Так точно, господин сержант! – лихо хлопнул галошами Дик-22.
– Заходи, – двумя пальцами махнул сержант. – Хотим послушать твою сказку.
– С вашего позволения, господин сержант, это не сказка. – Дик-22 вошел в комнату, дверь за ним тихо затворилась. – Я ничего не выдумывал, а рассказал все, как было. Я не страдаю навязчивыми идеями и галлюцинациями...
- Откуда ты знаешь? – перебил док.
– Что? – растерянно посмотрел на врача колонист.
– Откуда ты знаешь, что у тебя не бывает галлюцинаций?
– Ну, если бы такое случилось, то я бы, наверное, заметил, – улыбнулся Дик-22.
– А как же Святой Норбит? Его ведь никто кроме тебя не видел?
– Нет. Он сразу сказал, что будет общаться только со мной одним. Ибо иначе люди могут возвеличить его до неподобающей ему степени.
– Ты раньше исповедовал какую-нибудь религию? – строго посмотрел на колониста сержант.
– Я, с вашего позволения, господин сержант, атеист. Как есть, закоренелый атеист. В седьмом поколении.
– А как же Святой Норбит?
– Святой Норбит – это небесный покровитель нашей колонии. Он не требует, чтобы ему поклонялись, и не обещает ничего, что не может сделать.
– Каковы его отношения с богом?
– Не знаю, я никогда не спрашивал его об этом.
Док и сержант переглянулись.
– Сдается мне, парень, – сержант прищурился. – Что ты нам мозги морочишь.
– Никак нет, господин сержант!
– Так Норбит твой святой или нет?
– Святым его стали называть сами колонисты. Сам же он о своей святости ни разу не упоминал. Святой Норбит – это пришелец из параллельного мира, который пришел, чтобы дать нам утешение и надежду. Вы же, господин сержант, сами говорили, что все мы уже мертвы.
– Мертвее не бывает.
– Так вот, Святой Норбит пришел, чтобы сказать нам, что смерть – это еще не конец жизни, а всего лишь определенный ее этап. Нас собрали на этой планете для того, чтобы мы смогли пройти испытание. Или, если хотите, проверку. После чего будет определена наша дальнейшая участь.
– Кто это будет определять? Святой Норбит?
– Нет, для этого существуют определенные законы мироздания. Как камень, подброшенный вверх, непременно снова упадет на землю, так и человек, пройдя этап, именуемый смертью, будет продолжать жить в одном из бесчисленных параллельных миров. И Святой Норбит укажет нам путь, ведущий в лучший из миров. Но лишь после того, как мы пройдем период адаптации на этой планете. Мы должны отречься от всего, что связывает нас с прошлой жизнью, и думать лишь о будущем. Ведь прошлое умерло, а мы все еще живы.
– То есть вы готовы жить и работать на этой планете до тех пор, пока Святой Норбит не укажет вам путь в новый мир?
– Точно так, господин сержант.
– А он, часом, никаких сроков не называл?
– Никак нет, господин сержант. Сказал только «когда придет время».
– Ну, это мне нравится, – хмыкнул сержант. – Определенно, нравится.

– А я что вам говорил, – улыбнулся док. – Если бы Святого Норбита не существовало, нам бы следовало самим его придумать.

– Не заговаривайся, док!

– Ах, оставьте свой тон, сержант! Мы оба прекрасно понимаем, о чем идет речь. То, что мы делаем, мы делаем не ради собственных интересов.

– Так значит?.. – Сержант многозначительно прищурился.

Лицо врача моментально сделалось чрезвычайно серьезным.

– У вас имеются какие-либо жалобы? – обратился он к колонисту.

– Не-а. – Дик-22 вытер пальцем нос. – Мне нравится то, что теперь не нужно спать.

– Для чего вы строите стену? – спросил сержант.

– Ну, сначала просто для пробы начали. Посмотреть, как оно пойдет. Из нас ведь мало кто прежде с цементом и камнем дело имел. Ну, то есть, может, кто и имел, да только все равно не помнит. Значит, нужно было всему сызнова учиться. Ну, а Святой Норбит объяснил нам, что стена должна стать символической границей между прошлым и будущим.

– А что после того, как вы ее постройте?

– Стена никогда не будет завершена. Она будет становиться все длиннее и выше до тех пор, пока окончательно не отделит прошлое от будущего.

Сержант недовольно переступил с ноги на ногу.

– А если я тебе скажу, что вы здесь вовсе не для того, чтобы стену строить?

– Конечно, господин сержант, – с готовностью согласился Дик-22. – Святой Норбит то же самое говорит.

– Да ты что? – удивленно вскинул брови сержант.

– Именно так, господин сержант! Каждый камень, уложенный в стену, должен стать символом отказа от еще одной частицы прошлого. Сначала их много, но со временем становится все меньше и меньше. И, лишь работая, создавая что-то новое, мы находим силы исторгать из себя остаточные частицы прошлого.

Сержант скосил взгляд на врача.

– Мне определенно нравится этот парень.

– Двадцать Второй? – немного растерянно посмотрел на колониста док.

– Святой Норбит!

– А, вы об этом...

Врач насупил брови и прикусил губу. В отличие от сержанта, он еще не готов был высказать свое мнение.

– Где вы берете цемент?

– Неподалеку, в горах, известняк и глину нашли. Там же наткнулись на открытый разлом с каменным углем. Ну, а сам процесс нам Двадцать Седьмой расписал. Не сразу, правда, получилось то, что надо...

– Вы до сих пор называете друг друга по номерам? – перебил рассказчика врач.

– Ну, да, – кивнул тот немного растерянно.

– Это удивляет тебя больше, чем то, что они научились делать цемент? – саркастически усмехнулся сержант.

– Конечно! – Док посмотрел на военного, будто на умалишенного. – Цемент – это всего лишь фантомное воспоминание. В то время как отказ от имен – это осмысленное действие. Они не хотят, понимаете, сами не хотят вспоминать свое прошлое.

– Это ненормально?

– Это, по крайней мере, странно. Насколько мне известно, подобного не было еще ни в одной другой колонии. Во всех отчетах говорится, что зомби-колонисты первым делом придумывают себе имена.

– С вашего позволения, господин врач, нам Святой Норбит отсоветовал имена придумывать. Говорит, зачем вам имена, если впереди у вас новая жизнь. Там ведь все равно все совсем по-другому будет.

– Двадцать Второй, – сержант встал напротив колониста. Усмехнулся какой-то своей мысли и крутанул на пальце стоппер. – Ты должен устроить мне встречу со Святым Норбитом.

Дик-22 отвел взгляд в сторону.

Испугался или что-то затаил?

– Боюсь, господин сержант, это невозможно.

– Почему?

– Вы живы, господин сержант. А, значит, находитеесь в разных плоскостях реальности со Святым Норбитом.

– Но ты видишь и меня, и его.

– Потому что я не жив, но и не мертв.

Сержант бросил вопросительный взгляд на доктора.

Врач молча развел руками – я, мол, не вижу никаких противоречий.

– Он твой, док, – коротко кивнул сержант.

– Рукав закатай.

Дик-22 оголил локоть.

Врач сделал инъекцию.

– Спасибо, господин доктор! Мое почтение, господин сержант!

– Все, проваливай.

– Мы будем просить Святого Норбита быть милосердным к вам.

Колонист раскланялся и вышел за дверь.

– Можно? – заглянул в комнату следующий.

– Подождите! – раздраженно махнул на него рукой врач.

– Не собираешься продолжать прием? – насмешливо посмотрел на него сержант.

– Я должен собраться с мыслями... В этой колонии происходит нечто странное! Вот только что именно – не пойму.

– А по-моему, док, ты ловишь черных мышей в вонючем подвале.

– В каком еще подвале? – недовольно скривился врач.

– В том самом, док, в том самом, где мыши отродясь не водились. Делай свои прививки, потроши мертвяка, и валим отсюда. Мне уже осточертели эти религиозные покойники.

– Валим, – криво усмехнулся врач. – Было бы куда... А то еще один месяц в стальном гробу.

– Да ладно, док. На корабле хотя бы душ есть.

– Душ для мертвых душ, – мрачно буркнул врач. – Следующий!

Глава 8. День 154-й

Невысокие, круглые хижины с глинобитными стенами и коническими соломенными крышами были почти незаметны среди густых кустов, окружавших их, подобно живой изгороди. Но в селении, видно, давно заметили возвращающихся охотников, и встречать их вышли все – женщины, старики, дети. Женщины были, как и везде, разные. От высоких, стройных, длинноногих красавиц до низкорослых толстухек. Стараясь показать себя в наилучшем виде, каждая собрала волосы в причудливую высокую прическу, украшенную разноцветными шариками и длинными костяными спицами с причудливой резьбой на концах. Одеты они были в едва прикрывающие бедра просторные домотканые накидки, украшенные разноцветными геометрическими орнаментами. Старики имели благообразный вид, но одеты были куда как скромнее. Дети так и вовсе бегали голышом. Лишь у тех, что постарше, вокруг бедер были обернуты куски материи.

– Кешен! Кешен!

Бесцеремонно растолкав с любопытством рассматривающих пришельцев односельчан, вперед вышел высокий, худой, как высохший сук, пожилой мужчина. Как и на всех прочих взрослых представителях мужского пола, на нем была сплетенная из веревок юбка. Но, кроме нее, еще и жилетка, связанная таким же образом. Лицо его было настолько худым, что напоминало обтянутый сухим пергаментом череп. Лишь глаза, на удивление большие и ясные, смотрелись живыми на этом мертвом лице. Длинные седые волосы были зачесаны назад и заплетены в достающую до пояса косу.

Худой о чем-то спросил Ут-Ташана. Тот отвечал вежливо, но без страха или подобострастия. Внимательно выслушав Ут-Ташана, худой повернулся к людям.

– Я знал, что вы придете, ага. После того, как пришли шестеро, я сказал, придут и другие, ага. Придут и останутся у нас навсегда, ага. Хорошо! – Абориген вскинул руки с растопыренными пальцами над головой. – Хорошо. – Он медленно развел руки в стороны. – Мы сможем кормить шесть человек, ага. Сможем кормить десять, ага. Двадцать тоже сможем кормить, ага. Но что нам делать, когда вас станет больше, чем нас, ага?

Он говорил почти без акцента и правильно строил фразы. Лишь только «ага» в конце каждого предложения резало слух.

– Нас пригласил Ут-Ташан. – Дик-18 указал на скромно стоявшего в сторонке сына вождя. – Сами бы мы и дороги к вам не нашли. Остаться у вас надолго мы не собираемся. У нас и своих дел полно. Мы лишь хотим повидаться с человеком, таким, как мы. Ут-Ташан сказал, что он живет в вашей деревне.

– И еще им нужны имена, – добавил Ут-Ташан.

– Как? – удивленно повел бровью худой. – У вас нет имен, ага?

– Нет.

Худой хотел было что-то сказать, но не успел.

Снова раздалось многоголосое:

– Кешен! Кешен!

И, легко пройдя сквозь расступающуюся пред ними толпу, взорам людей предстал невысокий абориген, с кругленьким, гладким животиком. Чем-то неуловимо напоминавший Ут-Ташана. При его приближении худой сделал шаг в сторону. А Ут-Ташан, напротив, приблизился к людям.

– Гости?.. – с улыбкой посмотрел на людей пузатенький абориген. – Приходить?..

Видимо, на этом его запас слов на чужом языке закончился, и он обратился к Ут-Ташану с длинной тирадой на родном языке.

– Это – вождь, – первым делом сообщил Ут-Ташан. И не без гордости добавил: – Мой отец. Сапа-Ташан. – Как бы подтверждая сказанное сыном, вождь благосклонно кивнул. – А это, – Ут-Ташан направил острие копья на худого, – Юм-Памарак, шаман. – Худой даже бровью не повел. – Отец говорить, что мы всегда рады гостям. Тем, что приходите без оружия. Он просит вас ходить к его дом. Там будет огонь... Костер... Мясо жарить, кушать...

– А вот и от нас подарочек! – Вспомнив о добытой антилопе, Дик-33 протянул вождю завернутую в листья ногу антилопы.

Сапа-Ташан что-то спросил у сына. Тот коротко ответил, махнул рукой, и его охотники сложили к ногам вождя еще несколько свертков с мясом.

Вождь одобрительно покивал.

– Гости!.. Хороший!..

По мановению руки вождя охотники похватили свертки с мясом и унесли.

Сапа-Ташан сказал:

– Гости...

Что-то добавил на родном языке, махнул рукой и пошел назад в деревню.

– Идти! – указал на спину вождя Ут-Ташан. – Там отдыхать!

– А где же человек, что живет с вами?

– Там! – ткнул копьем в сторону деревни сын вождя. – Там. Сидеть и ждать. Болеть шибко.

– Должно быть, вам вреден наш климат, ага, – заметил вновь оказавшийся рядом шаман. – Или еда наша вам не подходит, ага.

– Почему ты так думаешь? – недобро посмотрел на шамана Дик-33.

– Я разрезал тех других, что уже умерли, ага. У вас внутри не совсем то, что у нас. Похоже, но не то. Ага.

– Ты, видно, большой знаток человеческих внутренностей, – саркастически усмехнулся Дик-18.

Шаман ему с первого взгляда не понравился.

– Я вообще очень много чего знаю, ага.

Юм-Памарак не заметил в словах человека ехидства. Или же предпочел сделать вид, что не заметил.

Следом за вождем они прошли к центру деревни и остановились возле хижины, которая ничем заметно не отличалась от других.

– Дом вождя? – шепотом спросил Ут-Ташана Дик-7.

Тот молча кивнул.

Женщины вынесли из дома соломенные циновки и расстелили их в тенике, у стены. Другие в это время уже разводили огонь в обложенном большими камнями очаге. Третьи раздвигали мясо. Все происходило как будто само собой. Не требовалось никаких указаний – каждый сам знал, что ему делать. Сапа-Ташану оставалось лишь стоять в сторонке и довольно улыбаться, глядя на происходящее.

– Где человек? – спросил у шамана Дик-33.

– Юрий в доме, ага. Он очень больной, не может выйти, ага.

– Мы должны поговорить с ним.

– Он тоже хочет говорить с вами, ага. Но, если вы уйдете прямо сейчас, то обидите вождя, ага?

– Ага, – не сдержавшись, передразнил шамана Дик-18. – Но, видишь ли, дружище, из нас только Тридцать Третий может есть мясо. Да и то, неизвестно, как много он сможет проглотить. Не обидится ли вождь, если после его угощения мы проблюемся? Ага?

– Стой здесь и жди, ага.

Пригнув голову, шаман скользнул за разноцветный полог, прикрывающий полукруглый дверной проем.

– Ну, и что нам теперь делать? – несколько разочарованно посмотрел на приятелей Дик-18.

– Как это что? – выскочил невесть откуда Ут-Ташан. – Садитесь рядом с вождь! Кушать! Радоваться!

– Ну, пошли радоваться, – обреченно улыбнулся Дик-18. – Видно, без церемоний не обойтись.

– Точно! – подтвердил Ут-Ташан. – Не обойтись!

Благосклонной улыбкой вождь приветствовал гостей, когда те рассаживались рядом с ним на циновке. Следуя указаниям Ут-Ташана, люди сели так, чтобы вместе с вождем образовать круг, в центре которого тут же были выставлены большие глиняные блюда с нарезанным толстыми ломтями зажаренным на костре мясом, с местными фруктами и с дышащей паром горкой бледно-желтого зерна, похожего на пшено. Ут-Ташан пристроился у отца за спиной. Остальные жители деревни тоже расселись вокруг. Все сидели, поджав под себя ноги, сложив на коленях руки, и улыбались друг другу. Будто ждали чего.

– Ут-Ташан, – с официальной улыбкой, которую ему все труднее становилось удерживать на губах, обратился к сыну вождя Дик-33. – Что нам теперь делать?

Прежде чем Ут-Ташан успел ответить, вождь тоже задал ему короткий вопрос. Видимо, интересовался, что говорят гости. Ут-Ташан ответил сначала вождю, и лишь после того, как тот благосклонно кивнул, обратился к людям.

– Мы все ждать, когда шаман, Юм-Памарак, приносить лекарство, без который вам кушать плохо.

– Откуда он знает, что нам нужно?

– Юм-Памарак уже лечить другой человек. Те совсем плохой быть. Совсем помирать. Потому что кушать плохо. А Юм-Памарак их вылечил.

– Но потом-то они все равно умерли, – заметил Дик-18.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.